

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

6
1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР Қ. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. Қ. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУ-РАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-52, 39-04-83.*

Редактор *И. Маркман*
Технический редактор *Л. Тюрина*

Сдано в набор 31/V-79 г. Подписано к печати 16/VII-79 г. P08272. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1739. Заказ 135. Цена 40 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1979 г.

В. К. ПРОСКУРИН

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ К ДВИЖЕНИЮ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ

В постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» подчеркивается неразрывная связь между советскими пятилетками и социалистическим соревнованием, в котором проявляются присущие социализму качественные новые общественные отношения — «отношения трудового соперничества и товарищеской взаимопомощи, порожденные историческим творчеством масс и научно организованные Коммунистической партией»¹.

В нынешнем году исполняется ряд знаменательных дат, связанных с важнейшими вехами в истории развития творческой активности миллионов масс строителей социализма и коммунизма в нашей стране. Это — 60-летие первых коммунистических субботников; 50-летие публикации в газете «Правда» ленинской статьи «Как организовать соревнование»; 50-летие массового социалистического соревнования, развернувшегося по призыву XVI партконференции в связи с началом первой пятилетки; 20-летие движения за коммунистическое отношение к труду.

Между этими историческими событиями существует закономерная органическая взаимосвязь: «От искр Великого почина — первых коммунистических субботников..., от ударников социалистической стройки и ударных бригад первой пятилетки, первых встречных планов развивается наше соревнование. Оно получило дальнейшее проявление в трудовых подвигах героев предвоенных пятилеток: Стаханова и Бусыгина, Демченко и Кривоноса, Ангелиной и Виноградовых и тысяч тех, что принял от них эстафету трудовой славы: Гагановой и Мамаю, Злобина и Куликовой, Смирнова и Мурзенко, Гиталова и Клепикова и многих других. Сегодня они воплощены в массовом движении миллионов трудящихся за повышение эффективности и качества работы»².

Уже в первых коммунистических субботниках В. И. Ленин прозорливо увидел «сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»³.

Рожденные инициативой революционных масс коммунистические субботники способствовали появлению нового, социалистического отношения работников к своему труду. В статье «Как организовать соревнование» В. И. Ленин писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его

¹ «Правда», 1979 г., 18 марта.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 18.

действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами⁴.

Искренним энтузиазмом и безграничной верой трудящихся в успешное строительство нового общества были проникнуты первые шаги социалистического соревнования. Именно на волне революционного энтузиазма начали успешно развиваться отношения трудового сотрудничества и трудовой состязательности народных масс.

Возникшая «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров... возможность работы на себя»⁵ породила невиданный героизм масс, что ярко проявилось в коммунистических субботниках. Творческие потенции трудящихся стали находить свое выражение в быстром росте производительности индивидуально и общественного труда, роль которой в окончательной победе социализма была гениально обоснована В. И. Лениным: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»⁶; «повышение производительности труда составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен»⁷.

Борьба за достижение наивысшей производительности труда присуща социалистическому соревнованию с первых же его шагов. Представляя собой определенное общественное отношение, социалистическое соревнование по сути своей выражает диалектическое единство трудового сотрудничества, коллективизма, товарищеской взаимопомощи и трудовой состязательности во имя достижения общего успеха, характеризующегося прежде всего ростом производительности труда.

В ходе строительства социализма и коммунизма социалистическое соревнование обретало все новые формы, охватывало все более широкие слои. Все более полное воплощение находили ленинские принципы социалистического соревнования — гласность, сравнимость и сопоставимость результатов соревнования, возможность практического повторения передового опыта, органическое сочетание материального и морального стимулирования творческой активности масс и др.

Закономерными этапами развития социалистического соревнования в нашей стране, в том числе в Узбекистане, стали коммунистические субботники; ударничество; стахановское движение; движение многостаночников, двухсотников; соревнование за повышение производительности труда и более лучшее использование внутренних резервов производства в послевоенные годы; движение за коммунистическое отношение к труду.

Каждый этап знаменовал собой новый шаг вперед в развитии производительных сил и укреплении социалистических производственных отношений.

Если первые коммунистические субботники опирались главным образом на революционный энтузиазм масс и охватывали лишь авангард рабочего класса, то движение ударников начала 30-х годов стало массовой формой соревнования. В Узбекистане, например, уже в начале 1930 г. ударничество охватило треть всех рабочих. Первые хозрасчетные бригады здесь появились в августе 1931 г., а к июлю 1932 г.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

⁵ Там же, с. 196.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 21.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 97.

свыше 1400 таких бригад охватили 16 тыс. человек⁸. К середине 1935 г. в социалистическом соревновании участвовало около 70% рабочих промышленных предприятий УзССР⁹.

Зародившееся в 1935 г. стахановское движение — еще более массовая форма соревнования — явилось следствием дальнейшего развития социалистических производственных отношений, коренной реконструкции всего народного хозяйства страны на базе новой техники. Стахановское движение означало массовое новаторство работников производства, базировавшееся не просто на их самоотверженном труде, а на трудовом героизме, помноженном на высокую квалификацию, глубокое овладение новой техникой и технологией, рациональную организацию труда и производства.

Стахановское движение, движение многостаночников и совместителей, рационализаторов и изобретателей, получившие широкий размах и в Узбекистане¹⁰, свидетельствовали о глубоких качественных сдвигах в среде рабочего класса, все более ярком проявлении его ведущей роли в жизни советского общества, строительстве социализма.

В грозные годы Великой Отечественной войны пламенный призыв партии: «Все для фронта, все для победы!» вызвал к жизни новый подъем массового трудового героизма, новые формы социалистического соревнования, как движение фронтовых, гвардейских, комсомольско-молодежных бригад и др.

В первые послевоенные годы, в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны социалистическое соревнование получает дальнейшее развитие. Соревнованием были охвачены труженики всех отраслей народного хозяйства Узбекистана. К концу 50-х годов в республике насчитывалось около 13 тыс. рационализаторов и изобретателей. Только в 1956—1957 гг. от внедрения 31 тыс. их предложений было получено 198 млн. руб. годовой экономии¹¹.

Растущая творческая активность тружеников города и села, вдохновляемая нашей партией, сыграла решающую роль в полном и окончательном построении социализма в нашей стране.

Вступление советского общества в стадию зрелого социализма вызвало к жизни качественно новую форму социалистического соревнования — движение за коммунистическое отношение к труду, зародившееся в конце 50-х годов по инициативе коллектива депо Москва-Сортировочная — того самого депо, где в 1919 г. состоялся первый коммунистический субботник. Это замечательное патриотическое движение быстро распространилось по всей стране. В Узбекистане уже в 1961 г. в нем участвовало 126 тыс. человек¹². А ныне в различных формах социалистического соревнования в республике участвует 3743 тыс. человек. Движение за коммунистическое отношение к труду охватывает 2264 тыс. человек. Количество ударников коммунистического труда в УзССР превысило 770 тыс. человек, а 372 предприятия и организации удостоены звания коллективов коммунистического труда¹³. В целом по стране социалистическим соревнованием охвачено более 100 млн. человек¹⁴.

⁸ История Узбекской ССР. В 4 томах. Том третий. Ташкент, 1967, с. 487, 500.

⁹ Там же, с. 591.

¹⁰ Только в текстильной промышленности УзССР в 1940 г. насчитывалось более 5 тыс. стахановцев и свыше 300 многостаночников (История Узбекской ССР. Том четвертый. Ташкент, 1968, с. 26).

¹¹ История Узбекской ССР, Том четвертый, с. 259.

¹² Там же, с. 323.

¹³ По данным производственного отдела Узсовпрофа на январь 1979 г.

¹⁴ «Известия», 1979 г., 28 февраля.

В 70-х годах развернулось движение за выполнение двух пятилетних плановых заданий за одну пятилетку. В Узбекистане широко известны имена таких инициаторов нового почина, как Х. Аликулов, Л. Казанцева, З. Побединская, А. Умаров и др. Большую известность в республике получили «почин девяти», «инициатива десяти», «почин четырнадцати». Труженики Узбекистана с энтузиазмом подхватили и такие ценные почини, как «Пятилетке качества — рабочую гарантию», «Ни одного отстающего рядом», «Совесть рабочего — лучший контролер», «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых» и др.

Каждый новый этап соревнования вбирает в себя все лучшие черты прежних этапов, обогащается передовым опытом, новыми формами, отличается расширением экономических и социально-политических функций социалистического соревнования.

В настоящее время социалистическое соревнование направлено прежде всего на достижение наивысших производственных результатов при минимуме материальных, трудовых и финансовых затрат с наилучшим качеством работ. Повсеместно ширится движение за экономию материальных ресурсов. Например, с почином «Бережливость — черта коммунистическая» в начале 1978 г. выступили работники управления «Джизакстепстрой» и Янгйерского комбината строительных материалов и конструкций им. В. И. Ленина Главсрэдизарбсовхозостроя, которые обратились с призывом ко всем строителям Узбекистана соблюдать максимальную экономию и бережливость на производстве.

В ходе социалистического соревнования возникли многие новые ценные трудовые почини. К ним можно отнести: саратовскую систему бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого предъявления; львовскую систему управления качеством; наставничество; личные планы; зародившийся на московских стройках бригадный подряд; почин ипатовских и ямпольских тружеников села; опыт ленинградцев по эффективному использованию транспорта и многие другие.

Непрерывно развивается движение изобретателей и рационализаторов, от внедрения предложений которых только в 1977 г. в УзССР получено 115,4 млн. руб. экономии в год¹⁵.

В настоящее время существенно возросла социально-политическая значимость социалистического соревнования, выражающаяся прежде всего в усилении его воспитательной роли, формировании нового человека, развитии и укреплении социалистического образа жизни. Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 50-й годовщине первой пятилетки, «в условиях зрелого социализма соревнование стало мощным двигателем не только экономического, но и социального прогресса, духовного, нравственного расцвета советского общества... Движение за коммунистическое отношение к труду... вовлекает в свое благотворное русло все новые миллионы трудящихся, воспитывая в них высокую сознательность и культуру, приобщая их к активному участию в управлении делами общества и государства»¹⁶.

Экономические функции социалистического соревнования находят в диалектической взаимосвязи с его социальными функциями. Программу экономического развития того или иного производственного коллектива сейчас уже невозможно представить без его социальной характеристики. Далеко не случаен тот факт, что наряду с пятилетними планами экономического развития повсеместно составляются планы со-

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1977 г. Ташкент, 1978, с. 29.

¹⁶ «Правда», 1979 г., 18 марта.

циального развития трудовых коллективов. Социальное планирование предусматривает прежде всего мероприятия по формированию всесторонне развитой личности и совершенствованию внутриколлективных отношений. В ходе социалистического соревнования формируются такие черты работника нового типа, как социалистическая сознательность, чувства личной ответственности, гражданского долга, целеустремленность, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, стремление к творчеству в процессе труда. Имея в качестве целевой установки достижение наибольших производственных результатов при минимуме затрат, соревнование, по словам Л. И. Брежнева, является «незаменимым средством воспитания нового человека, помогает его политическому росту и нравственному совершенствованию»¹⁷.

В приветствии участникам состоявшейся в Ленинграде (апрель 1979 г.) Всесоюзной научно-практической конференции «Социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду — могучее средство развития творческой активности масс и воспитания нового человека» Л. И. Брежнев вновь подчеркнул, что «в социалистическом соревновании, в движении за коммунистическое отношение к труду партия видит не только мощный рычаг умножения трудовых успехов, ускоренного решения масштабных экономических задач, но и важнейшее средство коммунистического воспитания масс. Соревнование оказывает благотворное влияние на нравственную атмосферу в коллективах, на воспитание у советских людей чувства хозяина страны, на развитие социалистической демократии, на всю общественно-политическую жизнь»¹⁸.

На тесную взаимосвязь между социалистическим соревнованием и коммунистическим воспитанием масс указывается и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»¹⁹.

Воспитательная роль соревнования особенно повысилась на современном этапе его развития, когда возросший уровень образования, культуры и сознательности людей создал реальные предпосылки к широкому развёртыванию творческих потенций работников. В ходе их реализации формируются многие характерные черты строителя коммунистического общества, всесторонне совершенствуются свойства личного, субъективного фактора социалистического производства.

Замечательные черты труженников общества развитого социализма, воспитанные нашей партией, всем нашим советским образом жизни, особенно ярко проявляются в ходе ставших уже традиционными коммунистических субботников.

В 1978 г. в «красной субботе» 22 апреля в целом по стране приняли участие около 150 млн. человек и было произведено промышленной продукции почти на 800 млн. руб.²⁰ В 1979 г. участниками субботника, проведенного 21 апреля в честь 109-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина и 60-летия первых коммунистических субботников, стали также 150 млн. человек, но выработка промышленной продукции за этот день составила уже 825 млн. руб. Проявляя пример интернациональной солидарности, советские люди решили направить 75% заработанных средств в фонд помощи братскому Вьетнаму, пострадавшему от варварской агрессии Китая²¹.

¹⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 325.

¹⁸ «Правда», 1979 г., 13 апреля.

¹⁹ «Правда», 1979 г., 6 мая

²⁰ «Известия», 1979 г., 21 апреля.

²¹ «Правда», 1979 г., 6 мая.

С огромным энтузиазмом вышли на субботник трудящиеся Узбекистана, показав образцы высокой производительности труда. Например, на Самаркандском суперфосфатном заводе обычно выпускается 900 т аммофоса, а 22 апреля коллектив достиг рекордной выработки — 1400 т. Рабочие Ташкентского тепловозоремонтного завода им. Октябрьской революции выпустили 23 т стального литья, 10 т поковок, отремонтировали тепловозную секцию и т. д. На Ферганском текстильном комбинате выработано 32 т пряжи и 130 тыс. м ткани. Многие участники «красной субботы» выполнили по 1,5—2 нормы. В целом по республике в коммунистическом субботнике приняли участие более 9 млн. человек. В фонд субботника отчислено 6,2 млн. руб.²²

Все это свидетельствует о неуклонном росте творческой активности масс, формировании элементов коммунистического отношения к труду как творческому процессу, как делу доблести и героизма, источнику наслаждения и внутренней потребности личности.

Приумножая славные трудовые традиции нашего народа, поднимая на новую высоту знамя социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду, советские люди под руководством КПСС уверенно идут ленинским путем к победе коммунизма.

---

²² «Правда Востока», 1979 г., 22 апреля.

Н. Ф. АБДУЛЛАЕВ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА*

Повышение эффективности производства, играющее определяющую роль в реализации целей социально-экономической политики партии, во многом зависит от дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма развитого социализма. Эта проблема привлекает все более пристальное внимание ученых-экономистов и практических работников, что свидетельствует о недостаточной разработанности ряда ее методологических, теоретических и практических аспектов.

Необходимость совершенствования хозяйственного механизма обусловлена глубокими изменениями в экономике развитого социализма. Как указывал Л. И. Брежнев, «непрерывно развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма»¹. Поэтому необходимо «поднять всю систему нашего хозяйствования на новую ступень, отвечающую возросшим возможностям и потребностям страны»²; «эту работу важно не затягивать — партия придает ей огромное значение»³. Актуальность совершенствования хозяйственного механизма была вновь подчеркнута на июльском и ноябрьском (1978) Пленумах ЦК КПСС.

Разработка хозяйственного механизма, определение наиболее эффективных форм и методов использования экономических законов связаны с практической функцией политической экономии социализма⁴.

Хозяйственный механизм социализма представляет собой способ хозяйствования со свойственными ему методами планирования, управления и организации общественного производства и совокупность экономических рычагов регулирования процесса социалистического расширенного воспроизводства в соответствии с требованиями экономических законов и экономической политики партии, в которой в концентрированной форме выражается сознательное использование последних в целях обеспечения динамического роста экономики и дальнейшего подъема благосостояния народа.

Разработка теоретических и методологических вопросов хозяйственного механизма, естественно, предполагает полный охват всей сложной и многозвенной цепи, обеспечивающей решение различных хозяйственных задач. При этом выделяются отдельные звенья хозяйственного

* Отклик на статью С. Н. Усманова, опубликованную в журнале «Общественные науки в Узбекистане» (1978, № 12, с. 8—16).

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 61.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, с. 456.

³ Брежнев Л. И. Вопросы развития политической системы советского общества. М., 1977, с. 401.

⁴ О познавательной (эвристической), практической и идеологической функциях политической экономии социализма см.: «Методологические проблемы политической экономии социализма». Л., 1976, с. 9—13.

механизма, от функционирования которых в наибольшей степени зависят рост эффективности производства и дальнейшее совершенствование производственных отношений. Как подчеркивал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, такими важнейшими звеньями являются совершенствование планирования, более умелое использование экономических стимулов и рычагов, совершенствование организационной структуры и методов управления⁵.

Познание сложности, многозвенности, многоплановости хозяйственного механизма предполагает анализ одной из важнейших методологических проблем — проблемы стыковых процессов, категорий, отражающих глубинные и поверхностные процессы экономического развития, т. е. его содержание и формы.

Таким образом, задачи совершенствования хозяйственного механизма требуют познания и установления рациональных связей между всеми его звеньями. Однако пока еще отсутствует четкое, научно обоснованное расчленение хозяйственного механизма на звенья или ступени. Это затрудняет понимание и проникновение в глубинную сущность и взаимосвязь отдельных звеньев хозяйственного механизма.

Без четкого расчленения всего сложного, многопланового, комплексного хозяйственного механизма на звенья или ступени трудно определить место, роль и сущность различных экономических рычагов воздействия на развитие общественного производства.

Поэтому постановка и обсуждение назревших вопросов, организованная редакцией журнала «Общественные науки в Узбекистане», опубликовавшей статью С. Н. Усманова «К характеристике хозяйственного механизма развитого социалистического общества», является своевременной и плодотворной и, на наш взгляд, дает возможность наметить пути решения целого комплекса вопросов, имеющих важное научное и практическое значение, хотя не со всеми положениями автора можно согласиться.

На основе анализа глубинных процессов экономического развития, на примере одного и того же показателя прибавочного продукта С. Н. Усманов раскрывает три звена хозяйственного механизма. Причем раскрываются они в неразрывной связи с фазами социалистического расширенного воспроизводства (производство, распределение, обмен и потребление), что является оригинальным подходом к исследованию данной проблемы и новизной в науке.

«Комплексный системный подход ко всем сторонам общественной жизни, — пишет С. Н. Усманов, — показывает, что она представляет собой многозвенный хозяйственный механизм. Главные звенья этого сложного комплекса социалистического хозяйствования — исходное, «производственное» звено, социальное звено и звено, исходящее от политики»⁶.

В свете такого, на наш взгляд, научно обоснованного расчленения хозяйственного механизма данное автором определение этой категории («совокупность экономических, социальных и политических мер, позволяющих на различных уровнях управления активно воздействовать на производство»)⁷ является неполным, недостаточно отражает содержание данной комплексной категории.

Первое звено хозяйственного механизма, по нашему мнению, — это не только «взаимодействие структурных частей ассоциированного

⁵ См. «Материалы XXV съезда КПСС», с. 59—60.

⁶ «Общественные науки в Узбекистане», 1978, № 12, с. 14.

⁷ Там же, с. 8.

прибавочного продукта между собой и с необходимым продуктом»⁸, как утверждает С. Н. Усманов. Оно охватывает и взаимодействие, и взаимозависимости системы планирования, организации и управления общественного производства и именно потому является исходным, определяющим в системе социалистического хозяйствования.

Второе звено хозяйственного механизма — социальное — представляет собой не только «комплекс многочисленных модифицированных форм прибавочного продукта и его структурных производственных частей» как утверждает в статье С. Н. Усманова (с. 14), но включает и все модифицированные формы необходимого продукта в сфере распределения, обмена и потребления.

Известно, что В. И. Ленин определял распределение как метод, орудие, средство для подъема производства⁹ и подчеркивал, что все экономическое есть социальное¹⁰. Итак, социальное звено как совокупность материальных импульсов производственных и распределительных отношений выступает мощной двигательной силой общественного производства. Социальное звено, стыкуясь с исходным, определяющим, производственным звеном и взаимодействуя с ним, тем самым образует социально-экономический механизм научно-технического прогресса.

Третье звено хозяйственного механизма — звено, исходящее от политики. По утверждению автора статьи, «социально-экономический механизм (исходное звено плюс социальное) плюс высшее, завершающее звено (дополнительная производительная сила, формируемая политикой) образует «государственный экономический механизм»¹¹.

Раскрывая содержание ленинской формулы «государственный экономический механизм», автор конкретно показывает, как политика на основе использования базисных элементов, экономических законов, экономических рычагов регулирования и стимулирования, исходя из задач каждого этапа исторического развития социалистического общества, определяет главные направления научно-технического прогресса и социально-экономического развития общества.

Тем самым С. Н. Усманов раскрывает и содержание известной ленинской формулы «политика есть концентрированное выражение экономики», показывает активно воздействующую роль политики на экономику, надстройки — на базис. Эта проблема в том аспекте, как она поставлена автором статьи, еще недостаточно отражена в публикациях наших ученых-экономистов.

Выдвинув важнейшую задачу: «Настойчиво бороться за утверждение партийного стиля работы, партийного подхода во всех сферах хозяйственной деятельности», — Л. И. Брежнев предельно четко и ясно охарактеризовал содержание и смысл политического подхода к руководству народным хозяйством: «К руководству экономикой, к вопросам улучшения этого руководства мы не можем подходить с узкохозяйственных, а тем более технократических позиций. Это для нас — дело партийное, дело политическое, успех которого в огромной мере зависит от политической атмосферы во всех звеньях нашего общества»¹².

Политика, концентрированно выражая экономику, активно воздействуя на планомерное регулирование общественного производства как с точки зрения экономических, так и политических соображений,

⁸ Там же. с. 14.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 16.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 30.

¹¹ «Общественные науки в Узбекистане», 1978, № 12, с. 14.

¹² Брежнев Л. И. Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана. Речи и доклады. М., 1974, с. 352—353.

ускоряет экономическое развитие общества в соответствии не только с экономическими, но и социальными, политическими задачами периода развитого социализма.

Поэтому разработку проблем дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма развитого социализма следует продолжить в аспекте тесной взаимосвязи и взаимодействия экономики и политики, что будет способствовать росту научного уровня социалистического хозяйствования и повышению эффективности общественного производства.

В соответствии с требованиями июльского (1978) Пленума ЦК КПСС, предстоит также осуществить большую работу по дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма в сельском хозяйстве.

Весьма актуальное значение имеет проблема совершенствования системы показателей эффективности сельскохозяйственного производства, от чего зависит объективная оценка деятельности сельскохозяйственных предприятий, определение места и роли сельского хозяйства в системе народного хозяйства.

Известно, что в экономической науке еще не сформировалось единое решение относительно того, каким показателем следует руководствоваться при определении эффекта или уровня эффективности производства. Эта проблема остается объектом дальнейших теоретических исследований, методологических и методических споров.

При исчислении и сопоставлении эффективности на уровне народного хозяйства и на уровне предприятий и принятых мер по дальнейшему совершенствованию системы экономического стимулирования следует учитывать качественные и количественные различия экономических категорий и показателей, которые выражают народнохозяйственные и хозрасчетные отношения.

Народнохозяйственная эффективность как экономическая категория выражает отношение по поводу производства, распределения и присвоения национального дохода (чистого продукта) между обществом, коллективом, отдельными членами общества. Следовательно, она выражает совокупность общественных, коллективных и личных интересов и показывает степень экономической реализации социалистической собственности на средства производства и социалистического труда в целом по народному хозяйству, отдельным его отраслям и секторам производства.

Определение народнохозяйственной эффективности и установление соотношений между общественным уровнем и хозрасчетным уровнем эффективности возможно на основе исчисления общественно необходимого труда и его составных частей вообще и определения стоимости продукта и его отдельных элементов, в частности.

К. Маркс подчеркивал, что «по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было»¹³.

Данное положение в концентрированном виде отражает взгляд К. Маркса на судьбы категории общественно необходимых затрат труда в социалистическом обществе и свидетельствует о том, что общественная оценка труда при коммунизме должна быть одной из важней-

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 421.

ших проблем. Категория общественно необходимого труда тем и отличается от стоимости, что носит в себе то общее, что характерно как для товарной, так и для нетоварной формы производства. «Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства»¹⁴.

Таким образом, совокупные затраты труда на единицу продукции или общественная производительность совокупного труда — это самый синтетический показатель эффективности производства. В нем отражаются весь производимый эффект и изменение величины стоимости единицы продукции. Следовательно, при наличии товарно-денежных отношений повышение экономической эффективности производства отражается в снижении стоимости единицы продукции.

Учет совокупных затрат и стоимости позволяет своевременно вскрывать те или иные недостатки в практике экономических отношений и устранять их, определять условия простого и расширенного воспроизводства, сообразуясь с требованиями экономических законов социализма.

Чтобы исчислить совокупные общественно необходимые затраты на производство того или иного продукта, следует редуцировать и свести сложный труд к простому (только затраты живого труда, имея в виду, что в практике материальные затраты производства учитываются в стоимостной форме, и затраченный на их производство совокупный труд уже сведен обществом к простому общественно необходимому труду).

Используя в расчетах соответствующих коэффициентов редукиций труда метод распределения национального дохода пропорционально на редуцированный труд, можно исчислить структуру совокупных общественно необходимых затрат труда.

Сущность этого метода заключается в том, что на основе данных о количестве редуцированного живого труда (в человеко-днях) и стоимости национального дохода определяется размер вновь созданной стоимости в расчете на один человеко-день редуцированного труда. Затем путем умножения этого показателя на количество отработанных редуцированных человеко-дней по отраслям и продуктам определяется действительный размер национального дохода (вновь созданная стоимость) по отраслям и продуктам.

Путем прибавления суммы общественных фондов потребления работников материального производства к их фонду оплаты труда исчисляем размер необходимого продукта и, вычитая сумму последнего из вновь созданной стоимости, определяем величину прибавочного продукта. Таким образом, данные статистических сборников и отчетные данные отдельных хозяйств позволяют при использовании изложенного метода определить не только величину стоимости продукта, но и ее структуру, что дает возможность точнее установить соотношение между овеществленным и живым трудом, правильное исчислить норму прибавочного продукта, чистого дохода, прибыли, эффективности и точнее установить соотношение между народнохозяйственной и хозрасчетной эффективностью общественного производства. Это имеет огромное значение для определения и осуществления научно обоснованной экономической (в частности, аграрной) политики партии в соответствии с требованиями экономических законов социализма и, следовательно,

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 265.

дальнейшего совершенствования всех звеньев хозяйственного механизма.

Среди относительных показателей эффективности при решении задач общего типа наиболее предпочтительной можно считать норму эффективности.

Отношение национального дохода (вновь созданной стоимости) к производственным фондам плюс необходимый продукт называется народнохозяйственной нормой эффективности, определяемой по формуле:

$$H_{эф}^i = \frac{H_d}{\Pi_\phi + H_n} = 100,$$

где $H_{эф}^i$ — народнохозяйственная эффективность, %;

H_d — национальный доход, руб.;

Π_ϕ — производственный фонд, руб.;

H_n — необходимый продукт, руб.

Норма народнохозяйственной эффективности полнее выражает степень рационального использования как овеществленного, так и живого труда на уровне народного хозяйства и его отдельных отраслей, так как при ее определении учитывается не часть, а вся вновь созданная стоимость, которая обладает большей информационной емкостью по сравнению с другими показателями.

Чтобы установить результативность всех факторов производства в совокупности, следует отнести полученный эффект, т. е. национальный доход (чистый продукт) к авансированным производственным фондам плюс необходимому продукту, плюс денежной оценке земли, и таким образом определить обобщающую норму народнохозяйственной эффективности. Уже поэтому, кстати сказать, надо ускорить земельно-оценочные работы в стране.

При анализе хозрасчетной эффективности производства следует исчислить норму эффективности по валовому доходу, поскольку последний включает в себя ту часть вновь созданной стоимости, которая реализуется сельскохозяйственными предприятиями, превращаясь в фонд потребления и фонд накопления.

Отношение валового дохода к производственным фондам плюс фонд оплаты труда называется хозрасчетной нормой эффективности, определяемой по формуле:

$$X_3^1 = \frac{B_d}{\Pi_\phi + Z_n} = 100,$$

где X_3^1 — хозрасчетная норма эффективности, %;

B_d — валовой доход, руб.;

Π_ϕ — производственные фонды, руб.;

Z_n — фонд оплаты труда, руб.

Хозрасчетная норма эффективности выражает степень продуктивного использования авансированных производственных фондов и фонда оплаты труда.

Обобщающая народнохозяйственная норма эффективности колхозного производства, определяемая как отношение созданного в данном секторе экономики национального дохода к авансированным производственным фондам плюс необходимому продукту, плюс денежной оценке земли, выражает степень экономической реализации монополии государственной собственности на землю и монополии хозяйствования на

землю колхозами и производственных фондов колхозов как объекта собственности и как объекта хозяйствования.

А обобщающая хозрасчетная норма эффективности, определяемая как отношение реализованного колхозами чистого продукта (национального дохода) в форме валового дохода к производственным фондам плюс денежной оценке земли, плюс необходимому продукту, отражает уровень экономической реализации средств производства колхозов как объекта собственности и как объекта хозяйствования, земли как объекта хозяйствования и необходимого продукта как фонда воспроизводства рабочей силы колхозников.

Поэтому при определении экономической эффективности сельскохозяйственного производства следует широко использовать и показатели народнохозяйственной нормы эффективности, и показатели обобщающей народнохозяйственной эффективности, ибо именно в них полнее отражается степень экономической реализации всех факторов производства, включая главное средство сельскохозяйственного производства — землю. Следовательно, эти показатели должны найти право гражданства в экономической литературе, что будет способствовать повышению уровня научной разработки проблем совершенствования хозяйственного механизма в сельском хозяйстве.

Исследование показало, что благодаря совершенствованию системы экономического стимулирования, в соответствии с решениями мартовского (1965) и последующих Пленумов ЦК КПСС и указаниями XXIV и XXV съездов партии, соотношение между народнохозяйственной и хозрасчетной нормой эффективности колхозного производства (рассчитанной нами на базе исчисления созданного чистого продукта колхозного сектора экономики методом распределения национального дохода пропорционально на редуцированный труд)¹⁵ сократилось по колхозам страны с 3,8 : 1 в 1961—1965 гг. до 1,9 : 1 в 1976—1977 гг., а по колхозам Узбекской ССР — соответственно с 2,1 : 1 до 1,5 : 1.

Эти данные свидетельствуют о том, что за исследуемый период значительно выросла доля колхозов в созданном в них национальном доходе (чистом продукте), которую они реализовали в форме валового дохода, и соответственно уменьшилась доля государства, которую оно реализовало в форме централизованного чистого дохода.

В связи с совершенствованием системы закупочных цен соотношение цен к стоимости изменилось: по хлопку с 0,350 : 1 в 1960 г. до 0,676 : 1 в 1976 г., по мясу — соответственно с 0,205 : 1 до 0,634 : 1, а по молоку — с 0,238 : 1 до 0,659 : 1. Следовательно, за указанный период доля закупочной цены в стоимости по хлопку повысилась более чем в 1,9, по мясу — почти в 3,1, а по молоку — почти в 2,8 раза.

Несмотря на неоднократное повышение закупочных цен на продукты растениеводства и животноводства, действующая система их сохраняет еще резкий разрыв в уровне рентабельности и эффективности и, следовательно, в условиях воспроизводства.

Поэтому к дальнейшему совершенствованию закупочных цен следует подходить с особой тщательностью, чтобы не допустить просчетов и не подорвать стимула к расширению производства и снижению стоимости сельскохозяйственных продуктов.

«Цены, — говорил А. Н. Косыгин, — это мощный рычаг экономического управления в руках социалистического государства и мы должны пользоваться ими умело и эффективно»¹⁶.

¹⁵ Рассчитано по данным опубликованных статистических ежегодников ЦСУ ССРСР и ЦСУ УзССР и сводных годовых отчетов колхозов.

¹⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 171.

Дальнейшее совершенствование закупочных цен будет происходить, в соответствии с решениями июльского (1978) Пленума ЦК КПСС и X Пленума ЦК КПУз, по следующим основным направлениям:

— дальнейшее углубление зональной их дифференциации. Последняя должна осуществляться с учетом качественной оценки земли, уровня средней многолетней урожайности, совокупных затрат труда с таким расчетом, чтобы уровень рентабельности и эффективности в хозяйствах, расположенных на худших земельных участках с низкой водообеспеченностью, резко не отличался от уровня рентабельности и эффективности колхозов, расположенных в лучших производственных условиях, при общественно нормальном уровне оплаты труда, так как именно первые хозяйства больше нуждаются в дальнейшем росте интенсификации производства и, следовательно, накоплений;

— тесная увязка цен на сельскохозяйственные продукты с ценами на средства производства, покупаемые колхозами у государства. Между этими ценами необходимо обеспечить определенное равновесие. Уровень цен на средства производства должен отвечать требованиям научно-технического прогресса, внедрение новых видов средств производства должно быть выгодно как производителю, так и потребителю.

Таким образом, решение проблем совершенствования хозяйственного механизма требует анализа глубинных отношений (стоимости); их следует разграничить от поверхностных отношений (цена, прибыль и т. д.) и исследовать последние с точки зрения их воздействия на первые. Именно в этом аспекте начато обсуждение указанных проблем и его следует продолжить на страницах журнала, что, безусловно, будет способствовать осуществлению указаний XXV съезда партии и решений июльского (1978) Пленума ЦК КПСС по данному вопросу.

Н. Ф. Абдуллаев

**ХУЖАЛИК МЕХАНИЗМИ ВА ҚИШЛОҚ ХУЖАЛИГИ ИШЛАБ ЧИҚАРИШИ
САМАРАДОРЛИГИ КЎРСАТКИЧЛАРИ**

Мақолада журналнинг 1978 йил 12-сонида босилган С. Н. Усмоновнинг «Ривожланган социалистик жамиятда хўжалик механизми характеристикасига доир» номли мақоласи ҳақида фикр билдирилади.

О. Б. ДЕСЯТЧИКОВА

О РОЛИ СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
В ИЗУЧЕНИИ БИОСОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

На XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «На нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей. Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных»¹.

В успешном решении любой научной проблемы определяющую роль играет метод исследования. Это можно наглядно показать на примере исследования столь сложной проблемы, как взаимодействие биологического и социального в человеке.

Только применение методологии диалектического материализма позволяет подойти с единых, подлинно научных позиций к изучению биологического и социального в рамках одной материальной системы, обобщить те их существенные связи и опосредования, каждое из которых является объектом изучения частных наук.

К. Маркс писал в «Капитале», что человека можно изучать разными методами и с различных точек зрения, в том числе сквозь призму философской антропологии и даже утилитаризма. Но природа человека не может быть сконструирована ни из принципов абстрактного естественнонаучного материализма, ни из принципа «полезности». Тем более не пригодны они для понимания социальной сущности человека. «Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»².

Составляя содержание человеческой природы, взаимодействие биологического и социального проходит ряд последовательных, причинно-обусловленных этапов. И это само по себе требует исторического подхода, ибо возникновение в биологическом социальное есть проявление способности материи к качественным преобразованиям в определенном интервале. Исторический подход предстает здесь как задача раскрытия логики разворачивающихся во времени новых процессов — перехода материальной системы на новый, высший уровень.

Исторический метод как одна из сторон диалектического метода может служить исходным методологическим принципом решения вопроса возникновения системы социально-биологического взаимодействия,

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 623.

а принцип развития, составляющий научную основу исторического метода, обращается не только в прошлое, но и служит задаче исследования процессов, протекающих в современных условиях³.

Принцип историзма в данном случае имеет основание, во-первых, в эволюционной теории, рассматривающей любую живую систему в ряду других систем как этап или уровень развития биологической формы движения материи; во-вторых, — в марксистской теории взаимодействия форм движения материи, в частности, перехода биологической формы к социально-организованной.

Исторический подход показывает, что возникновение социального в материальном мире связано с движением и развитием материи, где биологическая эволюция — этап эволюции природы, содержащий в себе возможности перехода к более высокому уровню организации, и получает обоснование в свете общих законов развития материи. Переход на новый уровень организации материи во временном аспекте означает, что происходит не механическая смена одной формы движения другой, а формирование более сложных материальных систем.

Идея развития позволяет увидеть, что те предпосылки для появления социального, которые имелись в биологическом (стадный образ жизни, определенные анатомические и физиологические структуры, способные к преобразованию, и т. д.), преобразовываются и превращаются в основу социального в рамках качественно иного уровня организации, новой системы — системы социально-биологического взаимодействия.

Изменения в этой системе, последовательная историческая смена этапов ее развития представляют собой сложнейшие взаимоотношения между системой как целым и ее частями. Причем биологическое и социальное в рамках системы изменялись разными темпами, приобретали различное значение, по-разному влияли на нее и по-разному испытывали на себе ее воздействие. Для анализа столь сложного явления одного исторического метода недостаточно, ибо биологическое не заменяется социальным, а «снимается» им в диалектическом плане, т. е. видоизменяется и сохраняется в социальной форме.

Более глубокому творческому изучению проблемы могут помочь конкретные методы исследования, которые выдвигаются современной наукой.

Таким плодотворным подходом к изучению социального и биологического в их единстве является системный метод, требующий прежде всего содержательного исследования и проявляющий свои широкие исследовательские возможности в сочетании с историческим подходом к любым системам.

Философские предпосылки системного подхода начала формировать немецкая классическая философия, которая подвергла радикальной критике принципы механистического мировоззрения и выдвинула задачу перехода к новым формам научного мышления.

Системный принцип исследования широко применялся К. Марксом в «Капитале», Ф. Энгельсом в работах, посвященных проблемам диалектики природы, общества и естествознания, в многочисленных трудах В. И. Ленина.

Системно-структурный метод исследования универсальных, всеобщих свойств возник как новый этап развития биологии, начатый еще Ч. Дарвином и продолженный его последователями. Системный подход

³ См.: Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М., 1978.

в биологических исследованиях осуществляли Э. С. Бауэр, И. И. Шмальгаузен, А. И. Опарин при разработке теоретических принципов проблемы происхождения и сущности жизни; Н. П. Дубинин — в системной трактовке гена и генотипа; В. И. Кремянский — в системно-структурном подходе к живым организмам; П. К. Анохин — в теории функциональных систем; Н. И. Вавилов — в эволюционной теории и т. д.⁴

Применяя системный принцип в изучении биологического и социального, следует учитывать трудности, связанные с необходимостью построения семантической модели объекта, и тот факт, что сама по себе концепция уровней развития систем находится еще в начале пути. К тому же системный метод — один из многих, но не единственный⁵.

Согласно принципам этого метода, любой объект, материальный или идеальный, можно представить как развивающуюся систему, выделив в нем различные элементы, подсистемы, отношения и связи между ними, зафиксировав его целостные характеристики, определив внутренние противоречия и границы избранной системы.

Специфика системно-структурного подхода обнаруживается не в сравнении его с другими научными методами исследования, а в его отношении к марксистской диалектике, которая, как известно, «дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»⁶.

Исключая дуализм методов исследования биологического и социального, системный подход может дополняться другими философскими принципами исследования, в нашем случае историческим. Системно-исторический подход можно трактовать как такой способ анализа, который образует специфическую совокупность средств познания, отличную от традиционных методов в биологии и социальных науках. В некоторых современных исследованиях взаимодействия биологического и социального этот метод применяется весьма успешно⁷.

В этом свете изучается не просто возникающее социальное, а развивающаяся система взаимодействия биологического и социального. Исторический принцип позволяет увидеть в динамике саму эту систему, поднимающуюся с одного структурного уровня на другой, проходящую разные этапы своего развития.

Этот подход делает понятным отличие только что возникшего социального как единичного свойства биологической системы, еще очень бедного по своему содержанию, от того социального, которое в процессе своего развития обогащается и пополняется новым содержанием. Развитие именно этой стороны системы представляет собой не просто ряд со-

⁴ Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М., 1935; Шмальгаузен И. И. Кибетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968; Опарин А. И. История возникновения и развития теории происхождения жизни. — «Известия АН СССР. Серия биология», 1972, № 6; Дубинин Н. П. Общая генетика. М., 1970; Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; Анохин П. К. Философские аспекты функциональных систем. — В сб.: «Философские вопросы биологии», М., 1973; его же. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта. — «Вопросы философии», 1973, № 5; Вавилов Н. И. Линнеевский вид как система. М.—Л., 1931.

⁵ См.: Майлов А., Хасанов М. Философские категории и познание. Ташкент, 1974, с. 4—5.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 352.

⁷ См.: Карсаевская Т. В. Указ. соч.; Леонovich В. В. Философия и естественнонаучное исследование человека. Л., 1975; Пастушный С. А., Смирнов И. Н. К вопросу о соотношении системно-структурного и исторического методов в биологии. — «Вестник МГУ. Серия философия», 1968, № 5; Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины. — В кн.: «Принципы историзма в познании социальных явлений», М., 1972, и др.

существующих систем, а цепь связанных в своем развитии этапов, исторически преходящих форм, которые объединяются в единое целое чертами, присущими каждой из них.

Отрыв же системного подхода от исторического в рассмотрении вопросов о переходе объекта с одного уровня на другой приводит к непоследовательности, односторонности, поскольку в этом случае игнорируется факт развития, что является отступлением от диалектики.

Анализируя возможности системно-исторического подхода к познанию человека, следует иметь в виду, что характер системной организации должен определяться прежде всего выбором основного принципа построения системы, в зависимости от которого могут существенно различаться представления о человеке как объекте исследования. Здесь мы сталкиваемся с неоднозначностью выделения возможных систем социально-биологического взаимодействия.

Это значит, что человек как система взаимодействия биологического и социального может быть представлен в самых различных отношениях и уровнях — от их соотношения в индивидуальном развитии и обусловленности в физическом развитии до системы «человек — автомат», т. е. выступает как объект, обладающий «бесконечно многими качествами»⁸, а отсюда — многообразие возможностей его изучения. Такой подход конкретизирует круг рассматриваемых вопросов и требует решения специфических задач, которые выступают как центральные при его реализации.

Основная цель многообразных системно-исторических исследований формулируется как те научные средства, с помощью которых можно выразить целостность исследуемого объекта, т. е. охарактеризовать те специфические черты, свойства, признаки, «органы», которые делают объект системой. В этом смысле основная проблематика системного подхода к биосоциальному взаимодействию существенно зависит от выявления и исследования многообразных связей, присущих в отдельности биологическому и социальному, а основное внимание уделяется выявлению системообразующих связей между ними, которые могут быть обнаружены лишь на определенном уровне рассмотрения.

Такими системообразующими элементами выступают противоречия между биологическим и социальным в процессе их взаимодействия. Они возникают вместе с появлением социального, когда происходит раздвоение единого объекта на противоположные части и борьба между ними. В этом плане системный подход и является системно-историческим, исследующим генезис и дальнейшее совершенствование системы «человек».

Подход к системе с исторической точки зрения помогает выявить наличие в ней различных уровней, т. е. определенных качественных этапов, где взаимодействие биологического и социального зависит от состояния развития системы.

Как уже отмечалось, построение элементов системы, их анализ и систематизация возможны при определенном, довольно высоком уровне знаний об изучаемом объекте. Успехи в развитии системного метода в целом, достижения в области биологических наук, современный этап познания законов зарождения, формирования и строения человека, огромный вклад марксизма-ленинизма в изучение общественной жизни свидетельствуют о плодотворности метода системно-исторического анализа в исследовании социально-биологического взаимодействия. В этом случае преодолевается отрыв биологического от социального, поскольку,

⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547.

во-первых, человек предстает здесь в единстве основных структурных элементов; во-вторых, уровни их организации могут изучаться в отдельности; в-третьих, возможен глубокий анализ их противоречий. Благодаря системно-историческому методу, мы можем не только понять отличие подсистем биологического и социального от системы «человек», но и увидеть его в процессе развития. Общая концепция этого процесса заключается в том, что за основу принимается развитие социального, поскольку именно его возникновение служит причиной появления новой системы, в развитии которой содержатся предпосылки для ее будущего изменения.

Наиболее важным обстоятельством, определяющим уровень организации, является характер связей в системе — степень детерминации изменения одного элемента изменениями других, а также степень детерминации изменения системы изменениями элементов. Это — важнейшая и плодотворная сторона системно-исторического подхода: требование раскрытия диалектических противоречий в нелинейном выражении. Биологическое и социальное предстают не как последовательно сменяющие друг друга формы материи (линейный план), а как, с одной стороны, подчиненные противоречиям развития внутри каждой из них, а с другой, — определяемые отношением к биосоциальной системе, выступающей как их диалектическое единство.

Система определяет функциональные связи биологического и социального, хотя, в свою очередь, зависит от состояния своих подсистем. Соотношения биологического и социального можно разбить по вертикали (структурный момент) и по горизонтали (исторический путь их развития). Это и должно создать объемность, нелинейность взаимодействий, их различную направленность.

Нелинейность проявляется в том, что при определенном изменении в какой-либо подсистеме не происходит сразу же изменение объекта как целого. Для этого изменения должны произойти в структуре и функции другой подсистемы, сказаться на целом и только тогда изменится сам объект.

Подходя таким образом к изучению проблемы возникновения системы взаимодействия биологического и социального, мы увидим, что каждый человек, будучи конкретно-историческим, несет на себе печать не только своего времени, но и всей предшествующей истории и культуры человечества.

Методологически системный подход в применении к системе социально-биологического взаимодействия имеет то значение, что позволяет отказаться от «элементаризма», т. е. поисков последних, далее не делимых частей, из которых должно объяснять человека как целое.

Ключом к возникновению системы является ее развитая ступень (современный человек), которая помогает найти и лучше понять начальный момент возникновения системы. Это соответствует методологическому положению К. Маркса об анатомии человека как «ключе» к анатомии обезьяны, поскольку «намек... на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»⁹.

За социальное в нашей концептуальной схеме мы принимаем труд, ибо он выступает системообразующим свойством, служащим основой основ развития биологического из царства животных в специфическую биологию человека. Труд — именно тот социальный признак, который «есть не зависимое от всяких общественных форм условие существова-

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

ния людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»¹⁰.

Возникающая трудовая деятельность, воплощая в себе форму взаимодействия живого индивида с внешним миром на более высоком этапе, придает в процессе развития всей системе новые черты: это не просто форма обеспечения обмена веществ между организмом и природой, а такое взаимодействие со средой, которое принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее известных целей.

В условиях современной научно-технической революции, когда общество оказывает все большее воздействие на природу, в том числе на биологию людей, метод системно-исторического анализа позволяет увидеть процесс изменения содержания социально-биологического взаимодействия; социальное окончательно утверждается как ведущее в развитии человечества.

О. Б. Десятчикова

БИОСОЦИАЛ ҲОДИСАЛАРНИ УРГАНИШДА СИСТЕМАТИК-ТАРИХИЙ
ТАҲЛИЛНИНГ РОЛИ ҲАҚИДА

Мақолада социал-биологик ўзаро таъсир диалектикасини ўрганишда систематик-тарихий методнинг аҳамияти ҳақида мулоҳаза юритилади.

---

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51.

Т. КАДЫРОВА

ВОССТАНИЕ КАРМАТОВ ВО ГЛАВЕ С АБУ БИЛАЛОМ (907 ГОД)

Восстание Абу (Бу) Билала, происходившее в горной области Герата и Гуре в 907 г., до сих пор не было предметом специального исследования. Всестороннее изучение истории того периода позволило нам понять крайне скудные и подчас неясные сведения «Сиасет-намэ»¹ об этом восстании. Мы попытаемся выявить его предпосылки, цели и движущие силы.

Анализ имеющихся материалов показывает, что восстание это было направлено против феодальной эксплуатации. Основными собственниками земли и воды были крупные феодалы, интересы которых защищало все более крепнувшее государство Исмаила Самани. На содержание многочисленной армии, состоявшей главным образом из тюркских гулямов, требовались огромные средства. Расходы на сооружение роскошных дворцов, содержание слуг и чиновничьего аппарата также возрастали и ложились тяжелым бременем на плечи трудовых масс. Особенно тяжелым был сбор хараджа в праздник науруз, наступавший до созревания хлебов. При Исмаиле Самани продолжалось обнищание свободного крестьянства («азат»), разорение части дихкан, а вместе с тем усиливалась тюркская военная знать и возростала роль мусульманского духовенства. Недовольство обнищавших крестьян, пастухов, разорившихся дихкан вело к усилению классовой борьбы.

В 295 (907/8) г. х. «правитель Герата Мухаммад ибн Харсама известил... справедливого эмира Саманида [т. е. Исмаила], что в предгорьях Гура и Гарджистана выступил некий человек, которого зовут Бу Билал, и к нему собираются люди всякого состояния. Он называл себя «Дар ал-адл» («вместилище справедливости»). Ненсчислимое количество людей из округи Герата и окрестных краев идет к нему, присягает ему; их численность — свыше десяти тысяч людей. Если проявить потворство его делу, то люди соберутся в еще большем числе. Тогда дело станет труднее. Говорят, что он был надимом² Якуба сына Лейса и совершает проповедь еретического учения в качестве заместителя последнего»³.

¹ Сиасет-намэ, книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, с. 218—219.

² Надим — сотрапезник государя. Подробнее см. «Сиасет-намэ», с. 94—96; «О надимах, о приближенных и о порядке их дел». В издании Хуберта Дорке — с. 277. «سير الملوك (سياست نامه) تاليف نظام الملك تهران ۱۳۴۰» «ابو بلال آن است كه ندیمی یعقوب لیث كردی در مذهب خوارج دعوی نبیابت او می کند»

³ Сиасет-намэ, с. 218—219, прим. 424.

Впервые Абу Билал упоминается в источниках в 873 г., когда Якуб ибн Лейс Саффар (медник), завоевав г. Нишапур, арестовал членов династии Тахиридов и, освободив от их гнета Хорасан, основал государство Саффаридов.

Отряды «сулукан»⁴ г. Нишапура сразу признали власть Якуба ибн Лейса. Среди их вождей был и Абу Билал. Более чем через 30 лет после смерти Якуба ибн Лейса Саффарида, в 907 г., Абу Билал от его имени, как его заместитель, выступил против Саманидов, чтобы ликвидировать налоговый гнет, подобно Саффаридам, свергнувшим гнет Тахиридов, и обещал установить справедливость во всем Хорасане. Источники не указывают, что требовали люди, последовавшие за Абу Билалом. Автор «Снасет-намэ» писал: «...Они открыто объявили веру еретиков и карматов, по большей части они пастухи и земледельцы»⁵.

Социально-экономическая и идеологическая программа членов карматской секты, а также их предшественников, маздакитской секты, общезвестна. Был ли карматом сам Якуб ибн Лейс, от имени которого проповедовали свое еретическое учение карматы во главе с Абу Билалом, или они идеализировали его? Ответить трудно.

Имеется анекдотический рассказ, согласно которому, Якуб ибн Лейс, ставший уже эмиром Буста, вошел в развалины одного дома, где его секретарь прочел ему стих, написанный на плите:

«Накликало время на род Бармака беду.

Упали ниц они, касаясь подбородками земли и вопя.

И по отношению к роду Тахира скоро будет услышан крик.

Гнев Всемилосердного достигнет и их»⁶.

Якуб ибн Лейс, услышав этот стих, сказал: «Нет большего чуда для нас, чем то, что всевышний привел нас в эти развалины, дабы мы прочли два бейта и уразумели их [смысл]. Откровение бывает только у пророков. Именно поэтому я являюсь причиной истребления Тахиридов и [устранения] насилия, [чинимого ими] над мусульманами»⁷.

Крайние шииты, не признававшие смерти Мухаммада ибн Ханафия (ум. ок. 700 г.), верили в его возвращение как имама Махди, который должен «наполнить землю справедливостью». Когда Якуб ибн Лейс свергнул Тахиридов, народ под влиянием учения шиитов мог верить, что Якуб ибн Лейс владел сверхчеловеческими силами. Так могло распространяться учение крайних шиитов. Основываясь на данных «Истории Систана», мы можем полагать, что если приведенные выше

⁴ Та'рих-и Сйстāн («История Систана»). Перевод, введение и комментарий Л. П. Смирновой. М., 1974, с. 222, ср. ۷۶۵-۴۴۵ تالیف در حدود بتضحیح ملك الشعر ابيار طيران ۱۳۱۴. Издатель персидского текста «Та'рих-и Сйстāн» М. Бехар отождествляет термин «сулукан» с «са'алук» в значении «воры, разбойники на большой дороге» на основании толкования феодальных историков. На наш взгляд, данный термин правильно разъяснен Б. Н. Захедером: слово «су'лук» — не арабское, а иранское saluk (мн. salukan) — в пушту salu (мн. salugan) — вид красного одеяния, вуаль* (Захедер Б. Н. Мухаммад Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в. — Ученые записки МГУ, вып. 41, М., 1940, с. 110). Значит, «судукон-и Хорасан» можно рассматривать как одно из ответвлений шиитско-карматской секты.

⁵ Снасет-намэ, с. 219.

⁶ Та'рих-и Сйстāн, с. 220; перев., с. 219.

⁷ Та'рих-и Сйстāн, с. 220; перев., с. 219. Это единственное в источниках упоминание о тирании Тахиридов. Якуб ибн Лейс представлен, таким образом, как защитник разорявшихся крестьян.

слова действительно принадлежат Якубу ибн Лейсу, а не сочинены после смерти его последователями, то нет сомнений, что Якуб воспринял стих как откровение для себя и заставил своих сподвижников верить, что он обязательно победит Тахиридов. Когда Якуб свергнул их, халиф Муктадир мог обвинять его как защитника интересов крестьян и только в этом смысле он мог называть Якуба еретиком-карматом. Как считают некоторые исследователи, слово «кармат» означает «крестьянин»⁸.

Идеалом для Абу Билала был Якуб ибн Лейс с его аграрной и особенно налоговой реформой. Согласно данным «Истории Систана», Якуб приказал не взимать харадж с тех крестьян, у которых годового доход был меньше 500 дирхемов, и выдавал им «пенсию» (нафакот)⁹ из государственной казны. Так Якуб пытался удержать расслоение крестьян — членов территориальной сельской общины. Достоверность этого факта подтверждается еще тем, что при Якубе ибн Лейсе не было восстаний крестьян.

По словам Якуба, если в Систане около арыка Аммар собирались сектанты-гудакон, то это предвещало народное восстание. Здесь под термином «гудакон» подразумевается секта «Кудакийя», последователи которой, признавая смерть Абу Муслима, присягнули его внуку от дочери Фатимы, называя ребенка мудрым (گودك دانایا).¹⁰ Последователи Абу Муслима и даже Муканны больше почитали Мухаммада ибн Ханафия (сына Али от ханафитки), чем сыновей Фатимы, дочери пророка¹¹. Мусульманские ересологи причисляют последователей Абу Муслима к хуррамдинской или даже к маздакитской секте. Автор «Снасет-намэ», говоря о десяти тысячах карматов, возможно, мог подразумевать Алидов, которые горевали об исчезновении (в 875 г.) Мухаммада ибн Қазыма, являвшегося 12-м имамом, и последователи ожидали его пришествия как имама Махди.

Абу Билал, как в свое время Якуб ибн Лейс, был выходцем из гущи народа; он ненавидел захватчиков-арабов и плохо знал генеалогию Алидов, тонкости введенной арабами религии¹².

Последователи Абу Билала также могли быть людьми из разных сект Систана и участников разгромленного восстания Хамдана Кармата. Необходимость вести тайную пропаганду уже давно привела к тому, что шинты создали сложную тайную организацию.

И. П. Петрушевский предполагал, что «тайная организация карматов сложилась, вероятно, раньше восстания зинджей, возможно, в ремесленной среде. Восстание, видимо карматское, произошло в Хорасане в 873 г.»¹³

⁸ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 281, прим. 21. Термин «кармат» произошел от *karmitha* — «земледелец, крестьянин» (на нижнемесопотамском диалекте сирийского, т. е. арамейского языка).

⁹ Та'рих-и Систан, с. 268; перев., с. 257—258.

¹⁰ Снасет-намэ, с. 229, 350—351, прим. 487 (ср. «Та'рих-и Систан»). По-видимому, автор перевода Л. П. Смирнова недопоняла этот термин, обозначающий название одной из распространенных в Восточном халифате шинтских сект «галия», и перевела его дословно — «дети» (с. 256, 292; перев., с. 256, 280).

¹¹ Кадырова Т. Значение сведений Беруни в изучении аграрных отношений и крестьянских восстаний в Средней Азии и Хорасане. — Беруни. Сборник статей к 1000-летию со дня рождения, Ташкент, 1973, с. 155—174.

¹² Бартольд В. В. К истории Сафаридов. — Соч., т. VII, М., 1971, с. 348: «Представители всех народных, направленных против имущих классов движений, независимо от того, называли ли себя борцами за веру, хараджитами или шинтами, по-видимому, несмотря на несовместимость своих религиозных взглядов (очевидно, служивших только вывеской), объединились под знаменем Якуба».

¹³ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, с. 281.

В 873 г. в Нишапуре выступили главари секты «сулукан-и Хорасан», которые присоединились к войскам Якуба ибн Лейса, после того как был свергнут Мухаммад ибн Тахир, последний представитель Тахиридского дома. Якуб ибн Лейс был выходцем из ремесленной среды, медником. У ремесленников была своя цеховая организация. Из ранних биографических сведений о Якубе ибн Лейсе, от имени которого решил выступить вождь карматов Абу Билал, известно, что, будучи учеником медника, Якуб все заработанное им делил с друзьями. Это напоминает обычай карматов. Хамдан Кармат создал в 890 г. близ г. Куфы своего рода штаб-квартиру — дар ал-хиджра («дом-убежище в эмиграции») с общей казной, в которую карматы обязывались вносить пятую часть своих доходов¹⁴.

О том, что участники восстания, члены секты вносили какую-то сумму из своего дохода в общую казну секты (партии), хорошо известно из истории борьбы народов Средней Азии и Хорасана против Омеядов под предводительством Абу Муслима. Такая практика была известна и карматским вождям в Нижнем Ираке. Очевидно, Абу Билал также продолжил эту традицию секты карматов.

Когда в 906 г. халифские войска подавили восстание карматов в Нижнем Ираке, карматы бежали от мечей карателей в разные стороны, большей частью в малодоступную страну Гура, и нашли там поддержку у сторонников Абу Билала. Хотя большая часть активных участников карматского движения, возглавляемого Хамдан Карматом, была уничтожена, оставшиеся в живых продолжали проповедовать идеологию карматов и успехи Хамдана Кармата, заставившего халифа Мутаида в 892 г. установить «Наурузи Мутаиди», т. е. перенести сбор хараджа на летнее время. Надежда на улучшение своего положения побудила крестьян к вооруженному восстанию, которое возглавил Абу Билал, объявивший себя «вместителем справедливости» и получивший прозвище «Хамдан».

И. П. Петрушевский, отмечая общие стремления шиитского движения, писал: «Мессианские ожидания появления Махди, общие для разных, преимущественно шиитских движений, также связывались с народными чаяниями об установлении «царства справедливости» на земле. В шиитских хабарах (хадисах) о Махди постоянно повторяется в разных вариантах одна идея: «Он (Махди) наполнит землю правдой и справедливостью так же, как она была наполнена несправедливостью и насильем»¹⁵.

Абу Билал выбрал себе ставку в недоступной горной стране в Хорасане. Из слов автора «Снасет-намэ»¹⁶ видно, что штаб-квартира его находилась в области Гура и Гарджистана, к востоку и юго-востоку от Герата, в верховьях (истоках) Мургаба.

К сожалению, Низам ал-Мульк не сообщает, кто еще вместе с Абу Билалом Хамданом возглавил десятитысячное народное вооруженное восстание. Большинство его участников составили земледельцы и пастухи, бежавшие из гератских рустаков, где они испытывали произвол и притеснения со стороны Мухаммада ибн Харсамы¹⁷, который получил эту область от Исмаила Самани. Исмаил Самани, вероятно, болел и находился в Джуи-Мулиан, а потому на этот раз не принял личного

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 277.

¹⁶ Снасет-намэ, с. 218—219.

¹⁷ Мухаммад ибн Харсама со своим братом Рафи' ибн Харсамой воевал против Амра ибн Лейса. После поражения Рафи' он отправился в Мавераннахр, чтобы просить помощь у Исмаила в борьбе против Амра, и остался у него на службе.

участия в подавлении восстания Абу Билала Хамдана. Но по его непосредственным указаниям был организован крупный карательный отряд. Исмаил приказал хаджибу Зикри выбрать 500 всадников-гулямов во главе с Бигишем и дал ему 10 тыс. дирхемов, 500 кольчуг и верблюдов. Хаджиб Зикри, выполнив приказ, привез снаряженных гулямов на военный смотр к Исмаилу, в Джуи-Муллиан¹⁸.

Исмаил составил план разгрома и катиб написал Бу Али Мервези, чтобы он со своими войсками и гулямами присоединился к Бигишу около Мерверруда. Исмаил приказал также написать Мухаммаду ибн Харсаме, чтобы он приготовился присоединиться к Бигишу, когда последний подойдет к Герату. После осмотра боевого снаряжения своих гулямов Исмаил, чтобы заинтересовать Бигиша, обещал ему дать владение, если он одержит победу¹⁹. Так был сформирован карательный отряд против Абу Билала Хамдана и его последователей, которых обвиняли в ереси (карматстве) за то, что они требовали справедливости при сборе тяжелого хараджа со стороны чиновников и правителей, добивавшихся уплаты налога деньгами еще задолго до созревания хлебов.

Это подтверждается последующими событиями, связанными с реформой календаря, призванной упорядочить время сбора хараджа (ифитах ал-харадж), которое постоянно менялось в силу особенностей лунного календаря. Вместо того, чтобы прислушаться к чаяниям трудового населения деревни, Исмаил поддержал мнение своего наместника в Герате Мухаммада ибн Харсамы. Последний предвидел усиление восстания Абу Билала, к которому присоединилось множество людей из рустаков Герата и окрестных краев. «Если проявить потворство его делу, — писал Мухаммад ибн Харсама, — то люди соберутся в еще большем числе»²⁰. Эмир Исмаил также понимал, что унижения и притеснения довели народ до отчаяния. (Вспомним слова Ф. Энгельса, что без крайних притеснений и обид очень трудно толкнуть крестьян к вооруженному восстанию против эксплуататоров). Низам ал-Мульк заметил, что, «когда справедливый эмир узнал об этом деле, он сказал: «Понимаю так: У Бу Билала начала кипеть кровь»²¹. Более того, эмир предупреждал карателей: «Это совсем не то, что война с Али сыном Шарвина²² или Амром сыном Лейса, или Мухаммадом Харави²³. Там было много войска и снаряжения»²⁴. Иначе говоря, Исмаил наставлял своих гулямов, что им придется воевать с самим народом, отчаявшимся и доведенным до крайности.

Итак, вооруженные до зубов, обученные военному делу гулямы двинулись из Бухары на Гарджистан. В Мерверруде к ним присоединился с войском Абу Али Мервези, а в Герате — Мухаммад ибн Харсама, с нетерпением ожидавший помощи эмира Исмаила против Абу Билала Хамдана. Карательные отряды, согласно заранее продуманному плану, захватили все дороги, ведущие из гор в другие районы, и окружили карматов Абу Билала Хамдана. В течение 70 дней повстанцы боролись против карателей, показывая примеры мужества.

Однако к осени силы и ресурсы восставших начали иссякать. К тому же не все сподвижники Абу Билала были тверды до конца и

¹⁸ Снасет-намэ, с. 219.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 218.

²¹ Там же, с. 219.

²² Али ибн Шарвин — военачальник Амра ибн Лейса, разбитый Исмаилом в 898 г. Амр ибн Лейс Саффарид в 900 г. проиграл сражение из-за измены военачальников.

²³ Мухаммад ибн Харун Харави, восставший в 902 г. в Рее, был разбит Исмаилом и обманом взят в плен гулямом Исмаила Барс ал-Кабиром.

²⁴ Снасет-намэ, с. 219.

смогли вытерпеть все лишения и муки неравной борьбы. Враги пускали в ход хитрость, обман и подкупы, давали пустые обещания и «гарантировали» мир. Верующих и простодушных крестьян убеждали в том, что Исмаил — справедливый эмир. Видимо, под давлением легковых и малодушных восставшие вынуждены были сдаться. Очевидно, крестьянам было велено возвратиться в свои селения, а 10 вождей карматов и Абу Билала Хамдана в кандалах доставили к эмиру Исмаилу в г. Бухару.

Исмаил, лежавший на смертном одре в местности Джуи-Мулиан, прекрасно сознавал, что сподвижники Абу Билала Хамдана, спасшиеся от мечей его гулямов, имеются во всех городах Хорасана и у них есть множество единомышленников среди ремесленников и земледельцев. Поэтому названный феодалами «справедливым эмиром» Исмаил, находившийся при последнем издыхании, приказал подвергнуть 10 вождей карматов повешению в десяти крупных городах Хорасана. Самого же Абу Билала Хамдана побоялись убить гласно, и он был подвергнут медленной голодной смерти в Бухарской тюрьме.

Восстание Абу Билала Хамдана со всей ясностью показало, что восхваляемый феодальными историками «справедливый эмир» Исмаил и его аграрная политика отнюдь не облегчили тяжелого положения трудящегося крестьянства, которое вынуждено было подняться на вооруженное восстание.

Движение Абу Билала было подавлено, уничтожены его активные участники, но не была искоренена идеология восставших карматов. Их учение продолжало волновать умы и сердца обездоленных народных масс, поднимая их на новые классовые битвы.

Т. Қодирова

АБУ БИЛОЛ БОШЧИЛИГИДАГИ ҚАРМАТЛАР ҚЎЗҒОЛОНИ (907 ЙИЛ)

Ушбу мақолада 907 йилда Абу (Бу) Билол бошчилигида Ҳирот ва Гур тоғлик областларида содир бўлган қарматлар қўзғолонининг шарт-шароитлари, мақсади ва ҳаракатлантирувчи кучларининг таҳлили берилган.

Навстречу 1000-летию Абу Али ибн Сины

А. Б. ДЖУМАЕВ

О МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ИБН СИНЫ

Абу Али ибн Сина — великий мыслитель средневековья, тысячелетие со дня рождения которого все прогрессивное человечество отметит в 1980 г., — внес значительный вклад в историю музыкальной культуры народов Ближнего и Среднего Востока и мировую музыкальную культуру, сыграл большую роль в развитии теории и эстетики музыки. Трудно найти средневековый трактат о музыке, в котором не развивалась бы та или иная музыкально-эстетическая или музыкально-теоретическая идея Ибн Сины, неизменно именуемого «Шейх ар-раис» («Глава шейхов») и «Худжат ал-хакк» («Подтверждение истины»).

Изучение наследия мыслителя в музыкальной науке имеет давнюю историю. Одной из ранних работ западноевропейских исследователей, касающихся музыкально-теоретических взглядов Ибн Сины, следует считать труд немецкого ученого Р. Кизеветтера «Арабская музыка»¹. Исследования зарубежных востоковедов в этой области особенно активизировались в 30-х годах нашего столетия. Они развивались по двум направлениям: 1) издание критических текстов разделов о музыке и их переводы на европейские языки; 2) исследование их. Были осуществлены такие значительные издания, как труд Махмуда ал-Хафни «Музыкальное учение Ибн Сины», включающий исследование, перевод на немецкий язык раздела о музыке, известного под названием «Ал-мухтасар фи'илм ал-мусйкй» («Сокращение в науке музыки»), из «Книги спасения» («Китаб ан-наджât») и его арабский текст; перевод на французский язык Р. Д'Эрланже «Свода науки о музыке» из «Книги исцеления» («Китаб аш-шифа»); публикацию критического текста упомянутого «Свода» арабским ученым Закирийя Юсуфом с исследованием музыкальной науки Ибн Сины ал-Ахвани и ал-Хафни².

Отдельные аспекты теории музыки Ибн Сины получили освещение в работах некоторых европейских исследователей, особенно Г. Фармера³. Большое внимание музыкальной науке Ибн Сины уделено совре-

¹ K e s e w e t t e r R. G. Die Musik der Araber. Leipzig, 1842.

² El-Hefny M. Ibn Sina's Musiklehre hauptsächlich an seinem „Nagat“ erläutert. Nebst Übersetzung und Herausgabe des Musikabschnittes des „Nagat“. Berlin, 1931; D'Erlander R. La musique arabe. T. II. Paris, 1935, pp. 105—245; ابن سينا، الشفاء الرياضيات. ٣ — جوامع علم الموسيقى، تحقيق زكريا يوسف، تصدير و مراجعة احمد فواد الاهوانى و محمود احمد الحفنى، بالقاهرة ١٣٧٦ هـ.

³ Farmer H. G. The lute scale of Avicenna. — In: The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London, Apr. 1937, и др.

менными иранскими и арабскими учеными в ряде общих работ по истории и теории восточной музыки, а также в специальных трудах, посвященных великому мыслителю⁴.

В советском музыковедении изучение наследия Ибн Сины началось сравнительно недавно с освещения некоторых вопросов его теории музыки. Много сделано Б. Гулисашили в изучении чистого строя Ибн Сины. Отдельные положения затронуты в работах И. Раджабова, Т. Вызго, И. Еолян и др.⁵ Осуществлен перевод математических глав «Книги знания», в которой содержится и раздел о музыке⁶. Готовится к изданию полный перевод «Свода науки о музыке» на узбекский язык, выполненный сотрудником Института искусствознания им. Хамзы Ф.Иногамджановой. Однако единственным специальным трудом, в котором показаны музыкально-эстетические воззрения мыслителя, остается пока книга «Музыкальная эстетика стран Востока», где содержится и перевод фрагментов из «Свода», выполненный А. Сагадеевым⁷.

Из сказанного можно заключить, что у нас в большей мере изучены музыкально-теоретические, нежели музыкально-эстетические взгляды Ибн Сины. Между тем, последние занимают большое место в научном наследии мыслителя. Они дают наиболее ценный материал для исследования общеэстетических идей, а особенно эстетики искусства. Их непреходящая ценность заключается в прогрессивной трактовке сущности и значения музыки.

К сожалению, музыкально-эстетические воззрения Ибн Сины в общей системе его эстетических взглядов не привлекали внимания советских и зарубежных исследователей. Последние, нередко находясь на порочных методологических позициях, вообще не признают существование у народов Востока музыкальной эстетики или ограничиваются исследованием в ней арабской любовно-эротической поэзии, мистических, космологических и аналогичных концепций⁸. Так, например, рассматривается средневековая эстетика, в том числе Ибн Сины, в «Энциклопедии Ислама»⁹. В обширной статье указанного издания, посвященной Ибн Сине, абсолютно не уделено внимания его взглядам на музыку¹⁰.

Все это обуславливает значимость изучения музыкально-эстетического наследия мыслителя как одной из актуальных задач советского музыкального востоковедения.

Знакомство с этим наследием обнаруживает неравнозначность вклада Ибн Сины в теорию и эстетику музыки. Соответственно, музыкально-эстетические взгляды ученого получили более широкую преемственность в последующем, нежели его музыкально-теоретические идеи.

⁴ عزیز شعبانی، تاریخ موسیقی از کورش تا پهلوی، تهران ۱۳۵۱ ه. عبدالحمید العلوی، رائد الموسيقى العربیه، بغداد ۱۹۴۴ م.

⁵ Гулисашили Б. А. К вопросу о своеобразии теории музыки Ибн Сины. — «Сообщения АН ГрузССР», т. 14, № 3, 1953; его же. Чистый строй Востока. — «Сообщения АН ГрузССР», т. 49, № 2, 1968, и др.; Раджабов И. Р. Мақомлар масаласига доир. Тошкент, 1963; Еолян И. Р. Очерки арабской музыки. М., 1977.

⁶ Вступительная статья, перевод и комментарии С. У. Умарова и Б. А. Розенфельда. Душанбе, 1967, с. 125—141.

⁷ Музыкальная эстетика стран Востока. М., 1967, с. 277—284.

⁸ Farmer H. G. The Music of Islam.—Ancient and oriental Music (New Oxford history of Music). New York—Toronto, 1960, vol. I, pp. 433—438.

⁹ Kahway S. Ilm al-Dyamāl.—The Encyclopaedie of Islam. vol. III. Leiden—London, 1971, pp. 1134—1135.

¹⁰ Coichon A. M. Ibn Sina.—The Encyclopaedie of Islam, vol. III, pp. 941—947.

Это дало основание некоторым зарубежным исследователям утверждать, якобы в вопросах музыки Ибн Сина стоит «ниже» Фараби, мотивируя это тем, что «сам Ибн Сина не приложил руку в музыке (т. е. не был музыкантом-исполнителем), а в действительности изложил музыку с точки зрения философии»¹¹. При этом забывается о роли ученого в развитии музыкальной эстетики.

Вопрос о точном количестве принадлежащих мыслителю сочинений по науке о музыке еще не выяснен до конца в современном востоковедении¹². Однако музыкально-эстетические концепции, изложенные ученым в таких известных энциклопедических трудах, как «Китāб аш-шифā» («Книга исцеления»), «Китāб ан-наджāt» («Книга спасения») и «Дāниш-нāме» («Книга знания»), достаточны для того, чтобы составить полное представление о многообразии музыкально-эстетических идей Ибн Сины¹³. Наибольшую ценность представляет самый значительный по содержанию и объему раздел о музыке из первого труда, называемый «Джавāми» 'илм ал-мўйсўйк' («Свод науки о музыке»). Кроме того, музыкально-эстетические взгляды ученого можно обнаружить в знаменитом «Каноне врачебной науки», «Трактате о любви» и других сочинениях.

Ибн Сина обобщил все достижения предшествующих ученых в данной области и на этой основе создал собственную стройную музыкально-эстетическую теорию. Непосредственным его предшественником был прежде всего Фараби, многие музыкально-эстетические идеи которого были восприняты и развиты Ибн Синой. Неслучайно сам Ибн Сина подчеркивал в автобиографии значение «Большой книги о музыке» Фараби¹⁴. Фараби близок Ибн Сине своими философскими взглядами и особенно методом научного исследования, эмпирическим подходом к действительности. Ведь музыкально-эстетическая концепция Ибн Сины зиждется на научно-эмпирическом подходе к проблемам музыки. Ученый так формулирует свои позиции во введении «Свода науки о музыке»: «Это введение включает в себя суждения, выработанные разумом на основе опыта, и законы, построенные на безошибочном наблюдении и подкрепленные философскими доводами и научными положениями»¹⁵.

Музыкально-эстетическим взглядам Ибн Сины чужд эклектизм. Жизненность и завершенность его музыкально-эстетической теории заключаются, с одной стороны, в тесной связи ее с музыкальной практикой своей эпохи, а с другой, — в обобщении прогрессивных музыкально-эстетических идей предшественников и естественнонаучной направленности его изысканий, привлечении достижений естественных наук в

¹¹ تقى بينشى، تعليقات — عبدالقادر مراغى، مقاصد الالحن طهران ۱۹۶۶ م، ص. ۱۷۳.

¹² Некоторые музыковеды полагают, что Ибн Сине принадлежит лишь два труда о музыке — разделы из «Книги исцеления» и «Книги знания» — «شت موسيقى ايران» — «بخش دوم، تهران ۱۳۳۵»، ص. ۹۰—۸۱.

¹³ Ибн Сине принадлежит честь первого ученого, осветившего вопросы музыки на персидском языке. Это был раздел о музыке в «Книге знания» — «صفت، استادان و موسيقى ايران و الحان موسيقى ايرانى، تهران ۱۳۵۰»، ص. ۳۳.

¹⁴ Жизнеописание Абу Али Хусейна ибн Абдуллаха ибн Сины... — «Литературный Таджикистан», 1953, № 5.

¹⁵ Музыкальная эстетика стран Востока, с. 278—279.

сферу науки о музыке (в решении многих вопросов музыкальной эстетики Ибн Сина находился на позициях натурфилософии, выражавшей материалистические стороны его мировоззрения). Это позволило ученому создать глубоко прогрессивную для того времени музыкально-эстетическую теорию и вести непримиримую борьбу с антинаучными концепциями. Именно в области музыкальной эстетики Ибн Сина, как и Фараби, преодолел пагубную инертность пифагорейского космологизма и подверг его уничтожающей критике. Это одна из его великих заслуг и свидетельство того, что взгляды Ибн Сины на музыку не были простым перенесением достижений античности на восточную почву¹⁶.

Среди многообразия музыкально-эстетических идей Ибн Сины выделяется ряд наиболее значительных, каждая из которых может стать темой специального исследования: прекрасное в музыке и его философско-социальное обоснование; теория музыкального восприятия; место музыки в медицине; критика антинаучных концепций по вопросу происхождения и бытования музыки; теория естественного происхождения музыки; отражение эстетических закономерностей практики. Надо сказать, что эти проблемы искусственно выделены нами, а в музыкально-эстетической концепции Ибн Сины они выступают в тесном единстве, дополняя и определяя друг друга. Если, к примеру, исключить учение Ибн Сины об эмоциональном воздействии музыки, то станет затруднительным понимание воспитательного значения музыки, критики космологии и т. д.

Наиболее сложным в музыкальной эстетике Ибн Сины представляется вопрос о прекрасном. Оно имеет у ученого философскую, психологическую и социально-эстетическую подоплеку. Рассмотрение этого вопроса невозможно без привлечения общеэстетических положений и частных вопросов музыкальной теории и практики. Здесь мы попытаемся раскрыть хотя бы в общих чертах характер претворения основной эстетической категории у Ибн Сины в музыке.

Среди источников философского и психологического обоснования данной проблемы следует прежде всего назвать сочинение Ибн Сины «Трактат о любви» («Рисāла фи-'л-'ишқ»). Этот философский труд уже привлекал внимание зарубежных и советских исследователей-востоковедов¹⁷. Ибн Сина решает в нем целый ряд важных для своего времени научных проблем, сыгравших большую роль в развитии философии, психологии, эстетики и других сфер знания. Особую ценность представляет «Трактат о любви» как источник изучения эстетических воззрений ученого¹⁸. Эстетические вопросы Ибн Сина решает на базисе тщательного философского обоснования. Проблема прекрасного в музыке связана у него с неоплатонистической концепцией бытия и ее эманационной основой. Истоки проблемы следует усматривать в античных музыкально-эстетических и философских системах, особенно в неоплатонизме. Однако есть основания полагать, что на Ближнем и Среднем Востоке ее впервые развивает Ибн Сина.

¹⁶ В вступительной статье к изданию «Математических глав «Книги знания» С. Умаров и Б. Розенфельд пишут (с. 15): «Первая часть (раздела о музыке. — А. Д.) являет собой сокращенное изложение [?]—А. Д.] I книги «Учения о гармонии» Птолемея...»

¹⁷ См.: Серебряков С. Б. Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви. Тбилиси, 1976 (зарубежные издания и исследования этого труда приведены в предисловии С. Б. Серебрякова).

¹⁸ Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане (коллектив авторов). Ташкент, 1977, с. 139.

Основным условием существования всех предметов Ибн Сина считал любовь, подчеркивая ее врожденный характер: «Бытие каждого предмета, управляемого (высшим принципом), определяется врожденной любовью»¹⁹. «Высший принцип» — божественное первоначало, которое возглавляет всю иерархию бытия и лежит в основе всех земных явлений, будучи сам по себе «высшим объектом любви». Соответственно любовь делится на ступени, понимаемые в эманационном плане, по восходящей линии их приближения к «высшему принципу», а следовательно, по степени благородства: «...Совершенства управляемых [высшим принципом] суть эманация совершенного самого по себе...»²⁰ Благородство предмета любви, имеющего духовную или физическую сущность, определяется его местом в божественной иерархии.

Категория прекрасного носит у Ибн Сины абстрактный характер, ею могут обладать все известные предметы любви. Но вместе с тем красота, прекрасное являются причиной любви и влечения человека к тому или иному предмету и явлению. «Любовь в действительности есть не что иное, как одобрение всего прекрасного и подобающего»²¹. Причиной, порождающей красоту и прекрасное, античные, а затем и восточные мыслители считали гармонию частей (составляющих предмет), соразмерность, пропорциональность. Гармония и соразмерность по-разному претворяются в различных конкретных предметах любви, однако они не имеют имманентного происхождения (при непосредственном рассмотрении, в частности музыки), обусловлены сложившимися в процессе общественного бытия представлениями, идеалами, вкусами и запросами.

Мы разделяем точку зрения С. Б. Серебрякова, отметившего, что «одним из важнейших представлений, связанных с реализацией прекрасного у мусульманских философов, следует считать осознание того, что цель эстетического созерцания состоит в установлении гармонии или дисгармонии между созерцаемым образом и существующим в сознании человека «образом — целью», то есть его собственным эстетическим идеалом»²².

При непосредственном рассмотрении прекрасного в музыке Ибн Сина также обнаруживает подобное понимание, но философское обоснование прекрасного является у него идеалистической надстройкой на жизненном проявлении этой категории.

Чтобы убедиться в противоречивости решения проблемы прекрасного, остановимся на вопросах гармоничности и соразмерности музыкального произведения как факторов его совершенства. С философской точки зрения, музыка у Ибн Сины также представляла собой предмет любви, поскольку считалась совершенным и прекрасным явлением, обладающим соответствующими качествами (гармоничностью, соразмерностью), и он относил ее к разряду красивых образов вообще (как можно заключить из общего философского контекста)²³. «Как разумная, так и животная душа... всегда любят то, что стройно, гармонично и соразмерно, как, например, гармоничные звуки...»²⁴

Как же проявляются у Ибн Сины гармоничность и соразмерность на разных уровнях музыкального произведения? Руководствовался ли ученый в определении прекрасного сложившимися в процессе музы-

¹⁹ Трактат о любви, с. 49.

²⁰ Там же, с. 48.

²¹ Там же, с. 49.

²² Трактат о любви. Предисловие, с. 21.

²³ Здесь мы не затрагиваем социально-этическое обоснование музыки.

²⁴ Трактат о любви, с. 58.

кальной практики вкусами и запросами, а также психологией музыкального восприятия²⁵

Гармоничность в музыке, как некое абстрактное понятие, включала в себя ряд конкретных проявлений на различных уровнях музыкального произведения, которые диктовались эстетическими потребностями музыкальной практики. Ее ни в коем случае не следует отождествлять только с соотношением двух тонов — интервалом. Пожалуй, интервал — это начальный уровень гармоничности музыкального произведения. Не всякое сочетание двух тонов по высоте могло считаться гармоничным, а лишь то, которое доставляло слушателю удовольствие. При этом гармоничность, соразмеренность двух тонов адекватно передается музыкальным термином «консонанс», «консонантность» (у Ибн Сина — *иттифақ*, *муттафиқ*). «Диссонантный интервал — соединение двух звуков, не доставляющее душе никакого удовольствия и даже тягостное для нее, причина этого — недостаточная сливаемость (сабкийя) звуков. Консонантен тот интервал, который доставляет душе удовольствие...»²⁶

Как видим, Ибн Сина определял гармоничность интервала по доставляемому слушателю наслаждению. Последнее сложилось в процессе длительной практики восприятия монодической музыкальной культуры. Здесь же ученый указывает на единый взаимообусловленный процесс психофизиологического и акустического (физического) факторов формирования диссонантности и консонантности интервалов. Недостаточная сливаемость (сабкийя) тонов интервала — физическая причина их диссонантности²⁷.

На основе анализа терминологии «Трактата о любви» можно сделать интересные выводы, подкрепляющие идеи ученого о гармоничности²⁸. Абстрагированное понятие «гармоничность, гармония» Ибн Сина передает термином «тал'лиф». Этим же термином обозначалось учение о композиции, где рассматривался и вопрос об интервалах, о причинах их консонантности и диссонантности. Подобная трактовка термина не случайна, а указывает на связь гармоничности и консонанса, т. е. консонанс — это частное проявление гармонии на уровне взаимодействия двух тонов.

Категория соразмерности передана термином «и'тедаль». Она включает в себя такие моменты, как упорядоченность, пропорциональность, мера. В музыке соразмерность, видимо, выполняет подчиненную функцию, раскрывая одно из качеств, составляющих гармоничность. Она, говоря современным языком, выражает определенные структурно-количественные отношения. Гармоничность же, включая все указанные понятия, предполагает еще определенную установку на восприятие и содержит качественную характеристику явления. В каждом конкретном случае гармоничность определяется сложившимися эстетическими представлениями, что и наблюдается в музыкально-эстетических взглядах Ибн Сина.

²⁵ Теория музыкального восприятия Ибн Сина, тесно связанная с проблемой прекрасного, представляет собой самостоятельную тему исследования.

²⁶ Абуали ибн Сина. Математические главы «Книги знания», с. 125. Перевод раздела о музыке из данного издания требует уточнения с учетом музыкальной терминологии Ибн Сина.

²⁷ Идеальное слияние дают тоны интервала октавы, затем квинты и кварты (они и считались наиболее гармоничными у восточных теоретиков музыки), а диссонантные интервалы (секунды, септимы, иногда терции и сексты) порождают так называемые «бияния», что и определяет их резкое звучание.

²⁸ с. 14 «ابو علی ابن سینا، رساله فی العشق، تفسیر، ۱۹۷۶»

Далее, касаясь уровня начального ладо-интонационного элемента произведения, Ибн Сина пишет, что «интервалы кварты слишком велики и из звуков с такими большими интервалами невозможно создать мелодию, которая затрагивала бы душу... Поэтому ясно, что для красоты и блеска мелодии лучше всего будет, если кварта заполнена тремя различными интервалами. Поэтому согласились вставлять в интервал кварты три интервала и притом не по понуждению, а по свободному выбору лучшего (разрядка наша.— А. Д.)²⁹.

Ритмы, употребляемые в музыкальной практике, также должны доставлять приятность слушателю³⁰. Здесь особо важно достижение соразмерности и гармоничности. Не случайно ученый сравнивает ритм в музыке с пульсом: как пульс, вышедший из размера, свидетельствует о значительном расстройстве состояния здоровья, так и нарушение упорядоченности ритма ведет к разрушению гармоничности музыкального произведения.

И наконец, гармоничность целого музыкального произведения понимается Ибн Синой в связи с его художественно-эстетической ценностью. На наш взгляд, такое понимание предвосхищает все последующие теории в этой области вплоть до современности. «Звук (здесь, бесспорно, подразумевается все музыкальное произведение.— А. Д.) бывает для души приятным или неприятным в другом отношении: либо с точки зрения создаваемого им настроения, либо с точки зрения композиции. Вызываемое же тем и другим наслаждение или отвращение свойственно различающей силе животной души, но не чувству слуха как таковому»³¹. Не кроется ли в цитированном положении зерно мысли о единстве содержания и формы как одном из важнейших факторов эмоционального воздействия музыки на слушателя? Таким образом, можно поставить вопрос о гармоничности и соразмерности произведения как единства двух указанных его сторон. Отсюда следует, что гармоничной и совершенной, а следовательно, прекрасной является та музыка, которая соответствует эстетическим запросам слушателя, доставляя ему наслаждение и эмоционально воздействуя на него.

Идея Ибн Сины была подхвачена некоторыми учеными средневековья, в частности ее развивает Фахриддин ар-Рази в разделе о музыке энциклопедии «Джами' ал-'улум» («Собрание наук», XII в.). Он также считает, что доставляемое музыкой наслаждение обусловлено двумя причинами: соразмерностью композиции и способностью музыки выражать различные эмоциональные состояния. Важным условием при этом он считает обновление эмоциональных состояний³².

Ибн Сина, утверждая прогрессивную музыкальную концепцию прекрасного, связывает ее, однако, с идеалистической теорией эманаций. Он колеблется в понимании прекрасного между материализмом и идеализмом. Если гармоничность и соразмерность музыкального произведения и его компонентов отражают объективные их свойства, то неизбежен вывод о прекрасном как порождении реального мира. Но здесь Ибн Сина отходит от своих первоначальных эмпирических наблюдений в сферу идеалистических представлений: «Все, что близко к Первому Объекту любви, то более стройно и соразмерно, а то, что следует непосредственно за Ним, достигает большей степени единства

²⁹ Математические главы..., с. 130.

³⁰ Там же, с. 135.

³¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1954, с. 243.

³² فخرالدين الرازي، جامع العلوم، تاشكند ١٩١٣ ص. ٣٧٣.

и связанных с ним качеств, таких как гармония и согласованность...»³³

Это философское кредо в дальнейшем послужило некоторым ученым, в частности Насириддину Туси (XIII в.) и особенно Джалалиддину Даввани (XV в.), исходной базой для своего философского осмысления музыки. Даввани, например, непосредственно переносит теорию эманаций в науку о музыке, оперируя философскими понятиями «единство» и его «тьень» в отношении иерархии консонирующих интервалов, а воздействие музыки и других видов прекрасного он прямо ставит в зависимость от приближения их к «единству»³⁴.

Концепция прекрасного Ибн Сины и его последователей, хотя и связанная с неоплатонизмом, была прогрессивной в эпоху средневековья уже потому, что в то время существовали и резко отрицательные взгляды на музыкальное искусство. Включение же прекрасного в общую структуру бытия естественным образом оправдывало социальное назначение музыки. А последнее связано с утверждением мыслителем жизненных, добрых, этических свойств музыки, подчинением ее служению человеку, формированию его интеллектуального и нравственного облика. Здесь Ибн Сина предстает перед нами как великий гуманист, стремившийся помочь человеку постичь прекрасное, понять музыку как благородное искусство, доставляющее высшее эмоциональное и духовное наслаждение. В этом прежде всего и заключается непреходящая ценность музыкальной эстетики Ибн Сины для нашего времени.

А. Б. Жумаев

ИБН СИНОНИНГ МУСИҚИЙ-ЭСТЕТИК ҚАРАШЛАРИ ҲАҚИДА

Абу Али ибн Сино таваллудининг 1000 йиллигига бағишланган ушбу мақолада буюк энциклопедист олимнинг мусиқий-эстетик қарашлари ҳақида баҳс юритилган.

³³ Трактат о любви, с. 58.

³⁴ Ркп. ИВ АН УзССР، اخلاق جلالی، جلال الدين دوانی، инв. № 6250, л. 30b—35a.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО УКРЕПЛЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УзССР

Одной из важнейших узловых проблем советской экономики на современном этапе является успешная реализация аграрной политики партии, выработанной мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС и получившей дальнейшее развитие в решениях XXIII—XXV съездов партии и последующих Пленумах ЦК КПСС, особенно июльского (1978 г.), трудах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

«Со времени мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, который положил начало новому этапу развития ленинской аграрной политики партии, — отмечается в постановлении июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, — сельское хозяйство страны в экономическом и социальном отношении сделало крупные шаги вперед. Твердо следуя намеченным курсом, партия сумела решить большой круг аграрных проблем».

Значительные успехи достигнуты и в развитии сельского хозяйства Узбекской ССР. За годы, истекшие после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, в сельском хозяйстве республики освоено капитальных вложений в 2,6 раза больше, чем за все предыдущие годы Советской власти. Резко выросло производство хлопка (с 3,7 млн. т в 1965 г. до 5,5 млн. т в 1978 г.) и другой продукции земледелия и животноводства, окрепла экономика колхозов и совхозов, достигнуты крупные успехи в общей интенсификации сельскохозяйственного производства.

Ускорение темпов научно-технического прогресса, постоянно изменяющиеся экономические условия, мощный промышленный и научно-технический потенциал, созданный в нашей стране, предполагают дальнейшее углубление и конкретизацию аграрной политики партии в современных условиях. Эти задачи, пути и средства их решений получили глубокое научное обоснование на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Главная задача, поставленная перед сельским хозяйством в десятой пятилетке и обозримой перспективе, — добиться всестороннего, динамичного развития всех его отраслей, надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем с тем, чтобы рост их производства обеспечивал неуклонное повышение уровня жизни народа.

В числе решающих экономических предпосылок, обеспечивающих достижение этой главной задачи, в постановлении Пленума отмечается необходимость всемерного укрепления материально-технической базы сельского хозяйства.

Реализация этих предпосылок в условиях нашей республики имеет свою специфику, обусловленную ярко выраженной общесоюзной специализацией сельского хозяйства УзССР на преимущественном развитии хлопководства в комплексе с сопряженными отраслями народного хозяйства.

Характеризуя этот момент, Ш. Р. Рашидов в докладе на X Пленуме ЦК КПУз особо подчеркнул: «Мы всегда должны помнить о том, что Узбекистан был, есть и будет основной хлопковой базой СССР».

Кроме того, сельское хозяйство республики функционирует в условиях ряда относительно устойчивых региональных особенностей. К их числу можно отнести наличие факторов как для экстенсивного, так и для интенсивного развития при остром дефиците поливной воды; потенциальную возможность высвобождения значительных трудовых ресурсов из сельского хозяйства; сочетание экономически освоенных районов с развитой производственной и социальной инфраструктурой — с большими пустынями и полупустынными зонами; форсированное создание «искусственных морей» при тенденции высыхания Арала; самую высокую в стране плотность населения (Ферганская долина) в сочетании с относительно невысоким уровнем технической вооруженности труда и т. д.

В этих условиях указанные выше экономические предпосылки реализации главной задачи в области сельского хозяйства имеют особо актуальное значение для УзССР,

Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС поставил большие и сложные задачи и перед экономической наукой, решение которых должно положительно отразиться на дальнейшем повышении эффективности и качества сельскохозяйственного производства. Ученые-аграрники нашей республики внесли значительный вклад в разработку актуальных экономических проблем развития сельского хозяйства.

Задачи, поставленные июльским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС, осуществление комплексной программы развития сельского хозяйства Узбекистана повышают требования к науке и практике в целях поиска путей укрепления и дальнейшего развития его материально-технической базы на современной индустриальной основе как одного из главных условий увеличения сельскохозяйственной продукции, повышения его эффективности, превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, сближения условий жизни городского и сельского населения.

Система мер по улучшению экономических условий расширенного социалистического воспроизводства в сельском хозяйстве находит свое выражение в повышении темпов роста натурально-вещественных элементов его материально-технической базы. Материальную основу расширенного воспроизводства здесь составляют основные фонды и их главная часть — производственные основные фонды сельскохозяйственного назначения.

Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения общественного сектора колхозов и государственных сельскохозяйственных предприятий возросли за 1965—1976 гг. в 3 раза. Рост их способствовал повышению фондообеспеченности и фондовооруженности труда. Так, сельскохозяйственные основные фонды на 100 га пашни увеличились за указанный период более чем в 3 раза, а на одного работника — более чем в 2,5 раза, что, в свою очередь, явилось основой роста производительности труда.

Под воздействием научно-технической революции произошли существенные изменения в структуре энергетических ресурсов, в составе парка тракторов и других сельскохозяйственных машин, как в сторону количественного, так и качественного их роста. Так, за годы девятой пятилетки хозяйствам республики поставлено 82,6 тыс. тракторов, 27,5 тыс. грузовых машин, 9,8 тыс. зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов, 21,3 тыс. хлопкоуборочных машин и т. д.

Еще более интенсивное насыщение сельскохозяйственного производства современной техникой происходит в текущей пятилетке. Только в 1978 г. сельское хозяйство УзССР получило 16,5 тыс. тракторов, 6,5 тыс. грузовых и специализированных автомобилей, 6,4 тыс. хлопкоуборочных машин, 9,3 тыс. сенокосилок, 10,5 тыс. культиваторов, 3,9 тыс. зерноуборочных, кукурузоуборочных и силосоуборочных комбайнов и др.

Количественное и качественное улучшение машинно-тракторного парка, рост насыщенности сельского хозяйства техникой способствовали повышению уровня механизации не только основных операций по возделыванию сельскохозяйственных культур, но и вспомогательных работ — погрузочно-разгрузочных, очистки ирригационно-мелиоративной сети и др.

Большая работа ведется по дальнейшему развитию электрификации, ирригации и мелиорации земель. Если в 1965 г. в сельском хозяйстве УзССР было потреблено 869,8 млн. квт-ч, то в 1976 г. — 5591,7 млн. квт-ч. В республике сформировалась и успешно функционирует мощная химическая индустрия; объем минеральных удобрений, поставляемых ею, систематически возрастает. В 1965 г. в УзССР было произведено (в усл. ед.) 2146 тыс. т минеральных удобрений, а в 1978 г. — 6004 тыс. т.

Укрепление материальной базы сельского хозяйства сопровождается количественным и качественным ростом специалистов. Ныне в аграрном секторе народного хозяйства трудятся свыше 60 тыс. человек с высшим и средним специальным образованием, армия механизаторских кадров превысила 200 тыс. человек.

Вместе с тем, как отмечалось в докладе Ш. Р. Рашидова на X Пленуме ЦК КПУз, в развитии сельского хозяйства республики и его материальной базы имеется еще немало недостатков и нерешенных проблем.

В частности, несмотря на значительные сдвиги в росте технической оснащенности сельскохозяйственного труда, она пока заметно отстает от аналогичных показателей в промышленности. Среди некоторых ученых даже бытует мнение об «объективном» характере отставания сельского хозяйства от промышленности по показателю фондовооруженности. Однако практика отдельных стран свидетельствует о неисчерпаемых потенциальных возможностях дальнейшего повышения технической оснащенности сельского хозяйства. Эта возможность постепенно реализуется: если соотношение между фондовооруженностью труда в промышленности и сельском хозяйстве УзССР в 1965 г. составляло 4,3:1, то ныне разрыв этот снизился почти до 3:1.

Заметный разрыв в уровнях технической оснащенности производства наблюдается и по социальным секторам сельского хозяйства — между колхозами и совхозами он составляет почти 3:1.

Одна из причин этого разрыва — недостаток в колхозах собственных средств (накоплений). Вместе с тем механизм хозяйствования в колхозном производстве в сочетании с кредитами банка позволяет достаточно эффективно осуществлять про-

цесс производства с постепенным переводом колхозов на индустриальную основу. По нашим расчетам, по основным показателям материально-технической обеспеченности колхозы уже к 1985 г. могут выйти на уровень совхозов, что позволит значительно увеличить темпы роста производительности труда и эффективность хозяйствования в колхозах.

На недостаточно эффективное использование имеющейся материально-технической базы влияет также проблема механизаторских кадров. В условиях, когда сельскохозяйственный труд превращается в разнородность индустриального, потребность в механизаторских кадрах систематически растет. Однако обеспеченность колхозов и совхозов республики этими кадрами все еще недостаточна. В расчете на 100 тракторов в республике приходится почти такое же количество механизаторов, тогда как необходимо обеспечить перевод сельскохозяйственных машин на 1,5—2-сменную работу.

Темпы подготовки и повышения квалификации кадров для сельского хозяйства сдерживаются и тем, что в большинстве колхозов уделяется недостаточное внимание мерам поощрения за повышение общеобразовательного уровня и квалификации (в настоящее время около 30% механизаторов имеют квалификацию I класса).

Многие механизаторы и работники других профессий практически не имеют возможности повышать свою квалификацию с выездом в город. Следовательно, требует развития сеть учебных межколхозных комбинатов непосредственно на селе.

Более эффективное использование сельхозтехники связано с решением ряда технико-экономических вопросов: созданием и внедрением новых замесимых навесных рабочих органов для уборочных машин; совершенствованием механизма комплектации поставляемой техники запасными частями, особенно быстроизнашивающимися в эксплуатации; созданием системы машин для хлопководства и т. д.

Улучшение использования материально-технической базы производства во многом зависит от дальнейшего совершенствования механизма хозяйствования и создания условий, обеспечивающих нормальное воспроизводство в хозяйствах. И в этом плане ученым-экономистам предстоит еще решить ряд важных задач, непосредственно связанных с процессом формирования и бурного развития в республике межотраслевых комплексов (народнохозяйственного хлопкового, агропромышленного, территориально-производственных комплексов и др.), требующих разработки и реализации программно-целевого метода планирования, а также внедрения соответствующих организационных форм управления, совершенствования хозяйственного механизма в целом. Задачи эти — сложные, многоплановые, и, как отмечалось в докладе Ш. Р. Рашидова на X Пленуме ЦК КПУз, Госплану республики, Министерству сельского хозяйства, научным учреждениям необходимо тщательно подготовиться к переходу на новую систему планирования и заготовок.

Все это будет способствовать практической реализации решений июльской (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, успешному осуществлению аграрной политики партии, дальнейшему подъему всех отраслей сельского хозяйства, экономической эффективности колхозно-совхозного производства.

Т. Я. Мохова, Ф. Р. Убайдуллаева

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА И РСФСР

В постановлении ЦК КПСС о 50-й годовщине первой советской пятилетки подчеркивается, что «история советских пятилеток — это история создания мощных производительных сил во всех республиках Союза ССР, создания рабочего класса, квалифицированных кадров во всех отраслях хозяйства, звеньях государственного управления, в науке и культуре. Современная экономика СССР представляет собой огромный единый народнохозяйственный комплекс, а экономика каждой республики — неотъемлемую часть этого общесоюзного комплекса»¹.

В ходе строительства коммунизма неуклонно крепнет ленинская дружба народов СССР, все более тесным и многогранным становится их братское сотрудничество во всех сферах хозяйственной, социальной, политической и культурной жизни общества развитого социализма.

В развитии этих объективно закономерных процессов под руководством КПСС решающую роль играет наш многонациональный рабочий класс — ведущая сила общества. Это ярко видно на примере широкого развития экономических связей, творческого сотрудничества рабочего класса Узбекистана и других республик Союза, прежде всего РСФСР, на современном этапе зрелого социализма.

¹ «Правда», 1979 г., 18 марта.

В нашей республике нет ни одной отрасли, ни одного предприятия, которые не участвовали бы в углублении и расширении иллотворных экономических связей Узбекистана с РСФСР в рамках единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса.

Так, Центральный промышленный район, в первую очередь столица нашего государства, Москва, покрывает значительную долю потребностей республики в станках, технологическом оборудовании автомобилей, прокате цветных металлов. Такие производственные заводы, как им. Лихачева, им. Ильича, «Динамо», «Красный пролетарий», систематически поставляют свою продукцию в нашу республику.

Рабочие Ярославля отправляют в Узбекистан шины, двигатели для трактора «Ташкент», Куйбышева — подшипники, Ульяновска — электрооборудование, Волгограда — тракторы, стальной прокат, трубы, Урала — черные и цветные металлы, Новосибирска — электротехническое оборудование и т. д.

Наманганский комбинат шелковых тканей им. 50-летия УзССР, строительство которого было предусмотрено Директивами XXIII съезда КПСС, сооружался по проектам, разработанным в центральных проектных институтах с помощью специалистов из Российской Федерации, оснащался оборудованием, поступающим с ее машиностроительных заводов. Огромную помощь в пуске комбината и освоении его производственных мощностей оказали прославленные русские текстильщики из Подмоскovie, Иванова, Брянска, Калининна и других городов. С первого дня пуска комбината профессиональное обучение женщин-узбечек возглавляли передовые ткачихи, приехавшие из Российской Федерации. Из них выросли многие передовики производства, талантливые организаторы промышленности. В летопись Намангана навсегда вошли имена Раисы Кочетковой, Алевтины Тихомоловой, Елены Захаровой, избранных народными депутатами городского Совета, выполнивших две пятилетки за одну, воспитавших сотни прядильщиц из местных девушек.

Наманганский шелковый комбинат стал кузницей кадров и распространения передового опыта для развивающейся легкой промышленности не только Узбекистана, но и всего Среднеазиатского экономического района. Продолжая славную традицию русского рабочего класса, коллектив комбината оказал всемерную помощь в пуске в эксплуатацию крупнейшего предприятия отрасли в республике — Бухарского текстильного комбината.

Благодаря огромной помощи рабочих коллективов промышленных районов Российской Федерации вступил в строй Ферганский нефтеперерабатывающий завод. И здесь первыми на помощь ферганцам пришли инженеры, технические работники, рабочие из Омска, Волгограда, Куйбышева, Уфы. Среди них — поющие работающие главный инженер завода В. В. Верба, главный энергетик В. А. Хрулев, главный механик Н. В. Шурбин, начальник цеха А. П. Головань и др. Они стали подлинными организаторами производства, воспитателями высококвалифицированных рабочих местной национальности.

Творческая мысль русских специалистов помогала совершенствовать технологические процессы, модернизировать оборудование, находить более эффективный режим установок, налаживать производство новых видов продукции.

Важной формой трудового сотрудничества рабочих является межреспубликанское социалистическое соревнование. Оно давно уже стало общепризнанным методом коммунистического строительства, способствующим воспитанию советских людей в духе коммунистического отношения к труду, советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Вот уже несколько лет коллективы промышленных предприятий Ташкента, Ферганы, Намангана, Андижана соревнуются с предприятиями городов Российской Федерации. Так, нефтепереработчики Ферганы соревнуются с волгоградцами, новокуйбышевцами и омичами, химики Намангана — с коллективами Серпуховского завода искусственного волокна, ташкентские и наманганские текстильщики — с ивановскими текстильщиками и т. д.

Широкое распространение получило социалистическое соревнование между коллективами предприятий одной отрасли. В качестве примера можно назвать соревнование между рабочими Ленинградского прядильно-ниточного комбината «Красная нить» и Ташкентского текстильного комбината. Дружба между двумя коллективами родилась еще в годы Великой Отечественной войны, когда из осажденного Ленинграда в Ташкент была отправлена партия оборудования и выехала группа специалистов-текстильщиков.

После победы началось восстановление предприятия, и Ташкент одним из первых пришел ему на помощь. В адрес «Красной нити» из Узбекистана было направлено 12 намоточных автоматов и много других машин. Потом ленинградцы помогали своим узбекским коллегам, принимая участие в реконструкции ряда цехов Ташкент-

² «Ферганская правда», 1977 г., 16 августа.

ского текстильного комбината, внедрении ультразвуковой установки для чистки деталей крутильных машин, что снизило оборывность нити и значительно подняло производительность труда. Эта взаимопомощь переросла в соревнование коллективов фабрик, родственных производств, отдельных бригад³.

Ташкентский текстильный комбинат соревнуется с Ивановским меланжевым комбинатом, Ферганский текстильный комбинат — с коллективом Ивановской прядильно-ткацкой фабрики им. Балашева. Идет обмен технической документацией, а в конце каждого квартала — информацией об итогах работы. Два раза в год делегации соревнующихся предприятий встречаются для подведения результатов соревнования и ознакомления с опытом работы лучших участков и коллективов.

В ходе подготовки к 50-летию юбилею СССР появилось много новых форм социалистического соревнования. Так, развернулось соревнование коллективов смежных предприятий братских республик, характерной чертой которого являются взаимная помощь и обоюдная забота об общем успехе дела. Зачинателями этого движения, названного «Договором тысяч», выступили ткачи Глуховского хлопчатобумажного комбината им. В. И. Ленина. Они выдвинули лозунг: «Ознаменуем 50-летие СССР перевыполнением заданий пятилетки по выпуску добротных тканей. Пусть соревнуются за это текстильщики, машиностроители, химики России, Украины, Белоруссии и хлопкоробы Узбекистана».

Новая форма соревнования, имеющая важное значение в дальнейшем укреплении братской дружбы между народами СССР, интернациональном воспитании советских людей, получила широкое распространение и в Узбекистане. Текстильщики Ташкента заключили 5-летний договор на трудовое соревнование с текстильщиками г. Изаново.

Весной 1976 г. на Шахтинском хлопчатобумажном комбинате побывала делегация с Ферганского текстильного комбината им. Ф. Э. Дзержинского, подписавшая «Договор содружества». Одна из членов ее, Розихон Юсупжанова вызвала на соревнование Валентину Мошаеву. Продолжая славные трудовые традиции текстильщиков — ударников и стахановцев первых пятилеток, поддерживая почи участников Всесоюзного слета передовиков легкой промышленности А. В. Смирновой, З. Л. Коноваловой, В. А. Локтовой «Две пятилетки в одну», Валентина и Розихон взяли обязательства перейти на сверхтиповое обслуживание. 4 февраля 1977 г. В. Мошаева рапортовала о выполнении двух годовых заданий; Р. Юсупжанова тоже превышала дневную норму почти в два раза⁴. Высокое профессиональное мастерство и творческое содружество позволили двум ткачам успешно справиться с обязательствам.

Мотальщица Ферганского текстильного комбината Ш. Мирзабабаева вступила в соревнование с известной ткачихой фабрики «Красная ветка» г. Кинешмы Т. Корниловой. Договор на соревнование они заключили в Кинешме, где состоялся слет ударников коммунистического труда и передовиков вахты в честь 50-летия образования СССР. Между этими предприятиями существуют давние дружественные связи. Кинешма помогала строить Ферганскую текстильную фабрику и готовила для нее кадры. Фергана неизменно посылала и посылает в Кинешму хлопковое волокно.

Продолжая традиции «Договора тысяч», три Героя Социалистического Труда, три знатные прядильщицы страны: Елена Амосова, Анастасия Ерофеева и Буальма Джурбаева — в январе 1974 г. заключили между собой договор на соревнование, обязавшись вдвое перевыполнить задание 1974 г.

В дни работы XXV съезда КПСС в Кремле познакомились и подружились знатные прядильщицы страны — Анастасия Федоровна Ерофеева с Ивановского меланжевого комбината им. К. И. Фролова и Рохатой Юсупова с Наманганского комбината шелковых тканей им. 50-летия Узбекской ССР. Они приняли на себя высокие обязательства — выполнить по два пятилетних плана в десятой пятилетке. У них появилось множество последователей. Только в Намангане по почину А. Ф. Ерофеевой и Р. Юсуповой работают около 300 передовиков.

Развивается и такая форма трудового содружества рабочих братских республик, как систематический обмен передовым производственным опытом. В этом важную роль играют поездки делегаций рабочих — передовиков производства, всесоюзные совещания, семинары и др.

В июле 1975 г. группа текстильщиц Изановской области обратилась с письмом ко всем работницам с призывом «принять самое непосредственное участие в осуществлении грандиозных предначертаний партии, сделать 1975 год годом отличного качества и высокой эффективности производства». В Узбекистане это письмо первыми изучили ткачи Наманганского комбината шелковых тканей им. 50-летия УССР.

³ Ежов В. А. Рабочий класс СССР. Л., 1974, с. 93.

⁴ «Текстильщик». Многотиражная газета Ферганского текстильного комбината, 1977 г., 4 марта.

В ходе соревнования коллектив комбината добился больших трудовых успехов и был награжден по итогам года Красным Знаменем ЦК КП Узбекистана, Совета Министров УзССР, Узсовпрофа и ЦК ЛКСМУз.

Широкий размах обрела взаимопомощь предприятий братских республик в подготовке квалифицированных кадров, в первую очередь для вновь вступающих в строй заводов и фабрик. Только для Наманганского комбината шелковых тканей было подготовлено в г. Иваново более 110 квалифицированных рабочих-узбеков, на Московской фабрике им. Спердтова — около 100, на хлопчатобумажном комбинате г. Калинин — более 100 человек⁵.

Молодежь, направляемая из Узбекистана на текстильные предприятия Центральной России, получает там не только отличную профессиональную выучку, но и впитывает в себя замечательные черты и традиции русского рабочего класса. Так, Минавар Аскарлова с текстильного комбината Ферганы поехала обучаться ткацкому делу в Иваново. Русские подруги передали ей все «секреты» своего мастерства. Вернувшись в родной коллектив, она уже сама обучила своей профессии более 100 девушек. Имя имя Минавар Аскарловой известно далеко за пределами республики. Свыше 25 лет она является депутатом городского Совета, много раз избиралась членом горкома партии, была делегатом XXIV съезда КПСС, XVII съезда КП Узбекистана. Правительство высоко оценило ее доблестный труд, наградив М. Аскарлову орденом Ленина и Трудового Красного Знамени⁶.

Узбекские рабочие с гордостью называют имена своих наставников — представителей русского рабочего класса, которые, не жалея сил и времени, передавали и передают им свой богатый опыт, знания, высокое профессиональное мастерство.

«После восьмого класса я пошла на фабрику «Пятилетка», стала ученицей прядильщицы Марии Алексеевны Гнедой, — писала Дилера Ташпулатова, депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, прядильщица Наманганского комбината шелковых тканей им. 50-летия Узбекской ССР. — И теперь, когда хвалят мою работу, я думаю, как много дала мне моя первая учительница и сейчас интересующая моими делами, заботливая моя советчица»⁷.

Трудовое сотрудничество и взаимопомощь рабочих Узбекистана и РСФСР расширяются с каждым годом, обогащаются новыми формами. Так, узбекские мелиораторы и строители взяли шефство над Ивановской и Новгородской областями. В течение десятой пятилетки они должны подготовить и передать хозяйствам Новгородской области 42 тыс. га освоенных земель, создать оросительные системы на площади 6 тыс. га, провести культурно-технические работы (очистка полей от мелколесья, кустарника, валунов) на 25 тыс. га земли, не требующей осушения⁸, создать четыре новых совхоза⁹, в том числе крупнейший в Новгородской области овоще-молочный совхоз «Ташкентский», три животноводческих комплекса¹⁰ и другие объекты.

Передовые коллективы ирригаторов и мелиораторов Узбекистана, стремясь внести свой вклад в освоение Нечерноземной зоны РСФСР, развернули соревнование за досрочное выполнение намеченных партий и правительством мероприятий.

Таких примеров братского сотрудничества рабочего класса Узбекистана и РСФСР можно привести очень много. Число их умножается с каждой новой советской пятилеткой, наглядно иллюстрируя правоту известного высказывания Л. И. Брежнева о том, что наши пятилетки — это ленинская дружба народов, переведенная на язык экономики.

М. Исламджанова, Т. Файзуллаев

⁵ Текущий архив Наманганского комбината шелковых тканей, д. 1.

⁶ «Ферганская правда», 1977 г., 18 октября.

⁷ «Правда Востока», 1974 г., 23 октября.

⁸ «Ташкентская правда», 1977 г., 9 июня.

⁹ «Ташкентская правда», 1977 г., 25 сентября.

¹⁰ «Правда Востока», 1977 г., 9 января.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДОМЫСЛИЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ф. Энгельс характеризует духовную жизнь эпохи Возрождения и влияние на нее достижений культуры средневекового арабо-мусульманского Востока, писал: «Духовная диктатура церкви была сломлена: германские народы в своем большинстве прямо сбросили ее и приняли протестантизм, между тем, как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новыми открытиями».

той греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века»¹. Эта оценка перешедшего от арабов «жизнерадостного свободомыслия» имеет весьма важное значение в общей характеристике его роли в развитии культуры и философии и требует детального раскрытия его содержания. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что «жизнерадостное свободомыслие» — понятие чрезмерно емкое, оно охватывает совокупность всех прогрессивных течений и вольнодумных идей, возникших в условиях раннесредневекового Ближнего и Среднего Востока в период утверждения ислама как господствующего мировоззрения в этом обширном регионе.

Анализ содержания данного понятия показывает, что оно включает несколько компонентов: прежде всего философские идеи передовых мыслителей того периода (Фараби, Ибн Сины и др.) и возникший на их базе аверроизм — учение Ибн Рошда; естественнонаучные идеи, развивавшиеся вопреки исламу; богатое наследие древнегреческих философов; различного рода оппозиционные ортодоксальному суннитскому исламу религиозные течения, требовавшие относительной свободы в трактовке религиозных догм, — шиизм, карматство, таалимиты, хариджизм, исмаилизм и др.; идеология антихалифатского, антиисламского движения, пользовавшаяся доисламскими учениями, — маздакизм, манихейством, зороастрийским дуализмом и т. д.

Именно соединение и переплетение этих компонентов или, можно сказать, идейных истоков, на базе которых сложилось арабское (вернее, арабоязычное) «жизнерадостное свободомыслие», перенесенное в Испанию и Италию в переводах ряда трактатов арабо-мусульманских авторов, оказало мощное влияние на формирование гуманистической культуры Возрождения, его вольнодумного мирозерцания и возникновение материалистической философии позднего времени.

Статья А. Захидова посвящена изучению одного из источников формирования этого свободомыслия — исмаилизма, его взаимосвязи и взаимодействия с другими источниками, компонентами — философской концепцией Фараби и Ибн Сины.

М. Хайруллаев

* * *

Изучение свободомыслия, его идейных связей с материализмом, его роли в дальнейшем развитии атеистических идей приобретает особую актуальность в свете современной идеологической борьбы. Буржуазные идеологи всячески пытаются отрицать факт идейного родства свободомыслия с материализмом и атеизмом. Более того, они противопоставляют его марксизму-ленинизму как идеологии, якобы не допускающей никакого свободомыслия. Буржуазная пропаганда трактует свободомыслие как образец осуществления «беспартийной», «неклассовой» и «единственно объективной» мыслительной деятельности, которую, дескать, может обеспечить только буржуазное общество.

История философии, однако, развивалась не прямолинейно, а в сложном переплетении и борьбе противоположных учений материализма и идеализма, религии и свободомыслия. Как известно, свободомыслие на Востоке формировалось и развивалось еще в середине века в виде религиозных ересей, идеологии крестьянских движений. Оно получило философское обоснование в трудах Рази, Фараби, Ибн Сины и многих других прогрессивных мыслителей раннего средневековья, а затем участвовало в идейной подготовке материализма XVIII в.²

Марксистско-ленинская историко-философская литература по проблеме свободомыслия определяет его как «широкое течение общественной мысли, отвергающее религиозные запреты на рациональное осмысление догматов веры и отстаивающее для разума свободу в поисках истины»³.

Один из важных аспектов истории развития свободомыслия на Востоке, в том числе в Средней Азии, — взаимовлияние между его различными идейными компонентами и течениями. В какой мере религиозные ереси, крестьянские движения оказали влияние на формирование взглядов Рази, Фараби, Беруни, Ибн Сины и других прогрессивных мыслителей, в такой же мере их вольнодумные идеи (о вечности материального мира, смертности индивидуальной души, гуманизм, рационализм и т. п.) оказали обратное воздействие на формирование и дальнейшую радикализацию идейно-теоретических основ свободомыслия на протяжении XI—XIII и последующих веков.

Здесь мы попытаемся осветить влияние Фараби, Ибн Сины и др. на идейно-теоретические основы исмаилизма, некоторые вольнодумные моменты исмаилитского учения.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 345.

² См. там же, с. 345—346.

³ Работт Б. Свободомыслие, религиозное, или вольнодумство. — В кн.: «Философская энциклопедия», т. 4, М., 1967, с. 368.

В современной историко-философской и востоковедческой литературе об исмаилизме существуют две основные точки зрения: марксистская и буржуазная.

Буржуазные исследователи, как правило, либо объявляют исмаилизм чересчур радикальным, обвиняют его в разного рода грехах (терроризирование населения, обман, подкуп, насилие, тайное убийство и т. п.), либо стремятся доказать, что ранний исмаилизм мало чем отличается от ортодоксального ислама⁴.

В советской и зарубежной марксистской исследовательской литературе относительно исмаилитского движения и его идеологии высказываются различные, порою противоположные концепции, но все же существует относительно единая позиция, которую можно сформулировать в следующем виде: движение исмаилизма и его идеологию нельзя рассматривать однозначно, как только прогрессивное или только реакционное явление на всех этапах его развития и во всех его проявлениях. Поэтому сохраняет свою силу вывод А. М. Богоутдинова о том, что в IX—X вв. «исмаилизм как антифеодалное движение крестьян и ремесленников в религиозной оболочке имел прогрессивное значение. Однако позднее он сделался орудием феодалов, выродился в замкнутую реакционную секту»⁵.

Исследования последних лет⁶ показывают, что перед тем как исмаилитское движение окончательно превратилось в узкорекционную секту и утратило всякое прогрессивное значение⁷, шла ожесточенная борьба между верхушкой секты и ее демократической группировкой, предпринимались попытки унизить положение верхушки секты и ее ридовых членов, а в более широком плане — попытки оживить оппозиционный, антифеодалный и антиортодоксальный характер исмаилизма. Поэтому исследование исмаилизма XI—XIII вв., влияния на него других оппозиционных течений, в частности суфизма, перипатетической философии, естественнонаучной мысли, светской поэзии и т. д. представляет определенный научный интерес, поскольку оно способствует более углубленному изучению и пониманию самого исмаилизма, с вместе с тем — особенностям развития «жизнерадостного свободомыслия» народов Ближнего и Среднего Востока, в частности Средней Азии.

Движение и идеология исмаилитов XI—XIII вв. — значительное явление, сложное и противоречивое по своему характеру. В своих горных крепостях исмаилиты не только сами вели открытую борьбу против аббасидов и сельджукидов, составляли полемические труды против защитников ортодоксального ислама — суннизма. Они привлекали в свои ряды представителей различных слоев населения, недовольных гнетом аббасидов и сельджукидов, в том числе ученых, философов, поощряли их, стремились создать условия для их научной работы⁸, незаметно направляя их деятельность в общее русло антиаббасидской, антисельджукидской оппозиции.

Но прежде всего следует оговориться, что борьба исмаилизма, выросшего из общинской оппозиции против аббасидского халифата и его идеологии — ортодоксального суннитского ислама, была сектантским движением, политически направленным на захват феодальной власти и утверждение шиитско-исмаилитской идеологии. В этой борьбе исмаилиты использовали любые средства — убийства негодных политических деятелей, подкупы, обман и т. п. Если, например, исмаилитам не удавалось привлечь в свои ряды того или иного известного ученого, философа, политического деятеля путем убеждения, они пытались с помощью денег или угроз держать таких людей в узде, чтобы те не включались в антиисмаилитскую пропаганду, а занимали молчаливый нейтралитет, что также способствовало усилению влияния исмаилитов. Так, известный теолог Фахриддин Рази (1149—1209 гг.), получая ежегодно по 360 золотых динаров от исмаилитов и находясь в постоянном страхе перед ними, был вынужден занимать нейтральное положение: «Фахриддин больше не выступал в своих речах и лекциях против исмаилитов... Когда же студенты пытались навести его на эту тему, то он уклончиво что-нибудь говорил или прямо говорил, что исмаи-

⁴ См.: Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. (Курс лекций). Л., 1966, с. 278.

⁵ Богоутдинов А. М. Философские предшественники Ибн Сины. — В кн.: Ибн Сина. Даниш-нама (Книга знания). Сталинабад, 1957, с. 40. См. также «Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане». Ташкент, 1977, с. 34—37.

⁶ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 295—301; Строева Л. В. «Новый прыжок» исмаилитов как идеология народного движения в Иране XI—XII вв. — Палестинский сборник, вып. 21/84. Ближний Восток и Иран, М., 1970.

⁷ О судьбе исмаилизма в современных условиях, превращении его в орудие неокolonизма см.: Малышева Д. Б. Исмаилиты. — «Вопросы истории», М., 1977, № 2, с. 138—149.

⁸ См.: Строева Л. В. Уничтожение монголами государства исмаилитов в Иране. — В кн.: «История и филология стран Востока». Ученые записки ЛГУ, № 179. Серия востоковедческих наук, вып. 4, Л., 1954, с. 208—212.

литов нельзя порицать потому, что они имеют неопровержимое *ultima ratio*, против которого невозможно возражать⁹.

Если проанализировать идейные основы исмаилитского движения по некоторым дошедшим до нас религиозно-философским работам его идеологов¹⁰, то в них можно уловить явное влияние философии Фараби, Ибн Сины и Ихван ас-Сафа, правда, в несколько мистифицированной форме.

Сопоставление учения исмаилитов о бытии с онтологией перипатетической философии Фараби и Ибн Сины показывает, что несмотря на эклектический характер философских основ исмаилизма, его все же можно характеризовать как одну из форм пантеизма, что в целом характерно для многих идеологических систем той эпохи. Согласно «Мир'ат ал-мухаккикин» («Зерцало ищущих истинного»), бытие разделяется на «необходимо сущее» и «возможно сущее»¹¹.

Кроме того, в этом трактате бог, Вселенная и человек (как микрокосм, отражающий макрокосм — Вселенную и бога) уподобляются друг другу. Автор уверяет, что с помощью этого трактата можно взглянуть на себя и, как в зеркале, увидеть бога¹².

Те же пантеистические взгляды на мир повторяются в другом исмаилитском трактате «Зубдат ал-хакаййк («Сливки истины»), где пишется, что мир появился из извечного бытия, как луч солнца исходит от солнца, и что между ними существуют отношения причины и следствия¹³.

В этих трактатах затрагиваются также вопросы о происхождении мира путем эманации от бога, о последовательном появлении девяти интеллектов и девяти сфер планет. После них появились четыре элемента — огонь, воздух, вода и прах — и от взаимодействия планет и четырех элементов, по велению Истинного, возникло три царства — минералы, растения и животные. В соответствии со здравым смыслом, излагается процесс эволюции в мире, особенно зародыша человека во чреве матери, указывается на обусловленность этого развития как внешними, так и внутренними причинами. При этом недвусмысленно дается определение человека как вида животного¹⁴.

Интересно отметить, что эти исмаилитские авторы в своеобразной форме критиковали идею о том, что душа возникла раньше тела, и идею о переселении души (танасух). Это весьма напоминает критику Фараби и Ибн Сины указанных концепций, а возможно, что авторы, не ссылаясь на Фараби и Ибн Сину, просто цитировали их высказывания по данному вопросу.

В связи с рассмотрением вопроса о соотношении души и тела в трактате «Зубдат ал-хакаййк» завуалированно критикуется идея о загробном мире. По мнению авторов, на самом деле, ад — это несовершенство, нечистота души в этом мире, а рай — ее совершенство¹⁵.

В некоторых местах «Зубдат ал-хакаййк» проводится мысль о том, что видеть глазами потусторонний свет невозможно, а так называемые святые, претендующие на сверхъестественные способности, связи с потусторонним миром, на самом деле, видят во сне то, чего страстно хотели бы видеть. Самообманом является также вымысел о свете, якобы исходящем от могил святых. Глазами можно видеть только свет, исходящий от огня или небесных светил¹⁶.

⁹ Семенов А. А. Имам Фахрутдин ар-Разий и его энциклопедия «Собрание наук» (Джами ал-Олюм) (1179 г.). Введение к рукописи перевода части книги, посвященной музыке. Ташкент, 1936, с. 2, ркп. Института искусствознания УзССР МП—С—39, инв. II, № 1110.

¹⁰ Бертельс А. Е. Введение в изучение текстов трактатов «Афак-нама», «Мират ал-мухаккикин», «Зубдат ал-хакаййк», «Умм ал-хитаб» и «Усул и адаб». — В кн.: «Пять философских трактатов на тему: «Афак ва анфус» (о соотношениях между человеком и Вселенной). Под редакцией и с предисловием Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева, М., 1970, с. 13. Более подробно об исмаилизме см.: Додихудоев Х. Очерки философии исмаилизма. Душанбе, 1976.

¹¹ Мир'ат ал-мухаккикин (перс. текст). — Пять философских трактатов..., с. 49. См. также: Бертельс А. Е. Введение..., с. 20.

¹² Мир'ат ал-мухаккикин (перс. текст), с. 29; Бертельс А. Е. Введение..., с. 19.

¹³ Зубдат ал-хакаййк (перс. текст), с. 121; Бертельс А. Е. Введение..., с. 25. См. также: Додихудоев Х. Указ. соч., с. 50.

¹⁴ Зубдат ал-хакаййк (перс. текст), с. 181; Бертельс А. Е. Введение..., с. 30. Мы не согласны с категорическими утверждениями Х. Додихудоева о том, что лишена оснований попытка усмотреть в учении исмаилитов элементы эволюционного взгляда, о том, что у них «нет и намек на эволюционную теорию» (Додихудоев Х. Указ. соч., с. 67, 68). Автор необоснованно критикует Г. Лея, ибо у Лея речь идет не об исмаилитах, а об эволюционных взглядах «Братьев чистоты» (Лей Г. Очерк истории средневекового материализма. М., 1962, с. 69—70).

¹⁵ Зубдат ал-хакаййк (перс. текст), с. 127; Бертельс А. Е. Введение..., с. 26.

¹⁶ Зубдат ал-хакаййк (перс. текст), с. 185—186; Бертельс А. Е. Введение..., с. 30. Относительно могил святых Ибн Сина считал себя вынужденным найти опреде-

В трактатах «Мир'ат ал-мухаккикин» и «Зубдат ал-хакайк» обосновывается мысль о необходимости познания. Согласно их авторам, между строением человеческого тела и Вселенной существует полная аналогия. Весь этот мир — знамение бога, его запись, его «Книга». Прочитав ее, можно познать бога. Мы малы, а книга мира весьма велика, и потому нам дано краткое изложение мира — «малый мир» — человек¹⁷.

Характерно, что несмотря на мистический характер такого «обоснования» необходимости познания, божественный мир, Вселенная, мир человека и его организм подразумевались как органически единый предмет познания. Именно с этих позиций авторы трактатов уделяли большое внимание изложению естественнонаучных представлений о мире, человеке, его разуме. Более же ранний исмаилитский идеолог, известный Насири Хосров (1004—1072/73 гг.) еще считал истины откровения единственными и сокровенными истинами¹⁸. В дальнейшем во взглядах исмаилитов на познание постепенно возрастает влияние рационалистической, сенсуалистской теории познания Фараби и Ибн Сины.

В 13-м тасаввуре (букв.: представление, sic!) исмаилитского трактата «Равзат ат-таслим ё тасаввурот» Насриддина Туси (1201—1272 гг.) чувствуется прямое влияние рационализма и сенсуализма Фараби и Ибн Сины. Излагая основные роды знания, автор ставит на первое место правильные, необходимые (зарури) и теоретические (назари) знания. Они приобретаются посредством чувств, представлений, инстинктов и теоретического мышления¹⁹.

Рационализм и сенсуализм Насриддина Туси представляли собой лучшую, наиболее прогрессивную сторону исмаилитского учения. Но в целом для эклектической философии исмаилизма существенно прежде всего определенная заранее цель: доказать потребность людей в Имаме — учителе. Этот скрытый Имам (форма, сотворенная богом и отражающая всю Вселенную, бога, человека) приходит в наш мир в виде странника из скрытого мира. Только появление Имама (формы) и общение с ним выявят внутреннюю (батини) истину, позволят человеку взглянуть на себя и тем самым постичь суть бытия своего, Вселенной и бога²⁰.

Чтобы представить этот мистический путь познания истинным, единственно возможным и надежным, исмаилитские идеологи всячески показывают противоречивость, неясность аргументов сторонников шариата и в конечном счете приходят к выводу о невозможности объективного научного познания. Этим исмаилиты пытались породить у своих учеников полное разочарование в своих силах, разуме, приводили их к скептицизму, агностицизму, иррационализму, с тем, чтобы превратить презрительный в слепое орудие в своих руках. Только после этого новообращенному разъясняли, что все эти сомнения, неясности, неуверенность может рассеять истинный Имам — учитель, который обладает сокровенными истинами.

Однако такое мистическое «обоснование» потребности в Имаме выглядело вовсе не убедительно, что было верно отмечено и раскрыто ярым противником исмаилитов Газали. Он с сарказмом замечал, что доводы исмаилитов-талимитов в доказательстве потребности в Имаме «настолько «сильны» и «убедительны», что когда кто-нибудь становится на их сторону в этом вопросе и попросит: «Дай нам его (Имама. — Э. А.) знание и разъясни нам его учение», талимит останавливается и говорит: «Теперь, если ты согласился со мной в этом, ищи остальное сам — цель моя заключается только в этом». Ибо талимит знает, стоило бы ему сказать еще одно лишнее слово, как он посрамил бы самого себя, поскольку ему не под силу не только разрешить даже самые пустячные вопросы, но и понять их, не говоря уже о том, что он не способен дать на них ответ»²¹.

ленное психологическое обоснование. См.: Гольдциэр. Культ святых в исламе (Мухамеданские эскизы). М., 1938, с. 98.

¹⁷ Мир'ат ал-мухаккикин (перс. текст), с. 56—57; Бертельс А. Е. Введение..., с. 21; Зубдат ал-хакайк (перс. текст), с. 189; Бертельс А. Е. Введение..., с. 30. Х. Додихудов считает, что исходные пункты теории познания исмаилитов являются стихийно-материалистическими, ибо они признают объектом познания мир вещей и явлений. См.: Додихудов Х. Указ, соч., с. 103—106. Это утверждение представляется нам весьма спорным.

¹⁸ См.: Бертельс А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959, с. 221—222.

¹⁹ Туси Насриддин. Равзат ат-таслим ё тасаввурот. Перс. текст. Издание и перевод на английский язык В. Иванова (W. Ivanow). Бомбей, 1950, перс. текст, с. 39—40; англ. перевод, с. 43—44.

²⁰ Зубдат ал-хакайк (перс. текст), с. 191—198; Бертельс А. Е. Введение..., с. 30.

²¹ Газали. Избавляющий от заблуждения. — В кн.: Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв. М., 1960, с. 341. Относительно учения исмаилитов об Имаме-учителе более подробно см.: Додихудов Х. Указ, соч., с. 118 и след.

Вместе с тем надо сказать, что исмаилиты, не отрицая абсолютное предопределение бога, все же пытались своеобразно обосновать свободу воли человека²². Местами в исмаилизме можно наблюдать тенденции, ведущие к утверждению превосходства разума над слепой верой. Но самое опасное для ислама состояло в том, что, ставя постижение интеллигентно единой сущности бога, Вселенной и человека основной целью, исмаилиты признавали обязательность соблюдения требований ислама, шариата лишь для новообращенных, а для посвященных, зрелых исмаилитов считались необязательными чтение Корана, молитв, соблюдение поста, заката, хаджа, правовых и моральных норм ислама²³.

Относительно конкретной социально-политической платформы позднего исмаилизма эпохи «дав'ати джадида» («новый призыв») в упомянутых философских трактатах ничего не говорится.

В этой связи особое значение приобретает переписка сельджукидского султана Маликшаха бинни Алп-Арслана (1072—1092 гг.) с основателем «дав'ати джадида» и исмаилитского государства Хасаном бинни ас-Саббахом ал-Химйари (ум. 1124 г.)²⁴. В своем письме-повелении к Хасану бинни ас-Саббаху Маликшах обвинил его в основании нового еретического учения и секты, намерении поднять восстание против государства, обмане народа и применении террора, упреках в адрес праведных халифов, в частности аббасидов, и потребовал, чтобы он вернулся на путь ислама, сдал горные крепости.

Ас-Саббах уверял Маликшаха, что он не выдумывал никакой новой религии и общину, что его вера исходит из чистого ислама времён пророка и его сподвижников, что отец его был правоверным мусульманином шафи'итского толка, а он сам тоже усвоил ислам по шафи'итскому толку и проявляет особое усердие в изучении Корана, сунн и хадисов.

Этот ответ, рассчитанный на то, чтобы склонить самого Маликшаха на сторону исмаилизма, по существу превращается в антиортодоксальный, антихалифатский и антисельджукидский памфлет.

В первой части его ас-Саббах обвиняет официальный ислам, аббасидских халифов в отходе от социальной справедливости, благородности, в узурпировании халифского трона, различных злодеяниях против правоверных, как предательское умерщвление Абу Муслима Хорасани (755 г.), недостойное обхождение с известным основателем халифитского толка в исламе Абу Ханифа (696—767 гг.), казнь Хусейна Мансура ал-Халладжа (922 г.), а также проявленное некоторыми аббасидскими халифами неуважение к шариату и т. п.

После этого ас-Саббах заявляет: «Вот положение дел у тех, кто, по твоим (Маликшаха. — З. А.) словам, являлся праведными халифами и основателями закона, религии и государства мусульман. Но как, по совести скажи, прав я или нет, если отзываюсь о них плохо и встаю против них»²⁵.

Вторая часть ответа ас-Саббах направлена против самих сельджукидов, их административно-чиновничьего аппарата во главе с великим визиром Низам ал-Мульком. Ас-Саббах пишет, что гвардейцы султана (гуламани султан) и люди Низам ал-Мулька совершают насилие над народом в Хорасане, протыкают руки к женам и дочерям правоверных, бесцеремонно обращаются с женщинами на глазах их мужей, творят несправедливость в административном управлении. Никто не внимает заявлениям народа, сделанным по поводу этих насильств и несправедливостей. Более

²² Автор «Зубдат ал-хакайк», бухарский мыслитель XIII в. Азиз Насафи, как и Фараби, Ибн Сина, пишет, что отрицание универсальное (кулли) предопределения невозможно, хотя отрицание предопределения в частных проявлениях возможно. См. «Зубдат ал-хакайк» (перс. текст), с. 131.

²³ Зубдат ал-хакайк (перс. текст), с. 206; Бертельс А. Е. Введение... с. 32.

²⁴ О переписке между Маликшахом и Хасаном бинни ас-Саббахом см.: Сафои Э. Б. Мезхенлер ве тарикатлар тарихи, Анкара, 1964, с. 399—404. К сожалению, автор, приводя переписку под названием «Спор Маликшаха Райского с батинитским шейхом Хасаном б. ас-Саббахом», не сообщает точную дату ее, на каком языке был написан оригинал и из какого источника почерпнута эта переписка. Однако содержание письма в целом верно отражает социальную природу позднего исмаилизма и представляет определенный интерес для изучения исмаилитской идеологии, особенно ее социально-политической программы, что заставило нас предпринять предварительное исследование этого ценного документа. Следует отметить и другой факт: Хасан б. ас-Саббах получил письмо-повеление об отказе от избранного им пути и возвращении на путь ислама не только от Маликшаха, но и от фатимидского vizира Мамуна ал-Батахи (ум. в 1125 г.) с аналогичным содержанием. См.: Stern S. M. The Epistle of the Fatimid Caliph al-Amir (al-Hidaya al-Amiriyya), its Date and its Purpose. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London, 1950, pt. 1—2, p. 27.

²⁵ Сафои Э. Б. Мезхенлер ве тарикатлар тарихи, с. 402—403.

того, те, кто осмелились требовать справедливости, подвергаются еще более невиданным жестокостям²⁶.

Как видим, ас-Саббах критикует ортодоксальный ислам, аббасидов и сельджукидов по основным религиозным и политическим вопросам. Исходя из этого, он пытается обосновать незаконность власти аббасидов и сельджукидов с точки зрения «истинного ислама» и законность открытой борьбы с ними: «У народа и шариага нет никакой надежды на избавление от этого (от насилия, гнета, несправедливости, чинимых аббасидами и сельджукидами.—З. А.). Но если найдутся люди, которые из-за этого идут на самоубийство или уничтожают гнет, насилие тиранов, то это будет справедливо. Человеку придется держать острый меч до последней возможности»²⁷.

Следует подчеркнуть значение этих слов Хасана ас-Саббаха для всех вооруженных восстаний, открытой борьбы против аббасидов, сельджукидов, ортодоксального суннитского ислама, которая велась под руководством или решающим влиянием исмаилитов. Ведь ас-Саббах был основателем и главой исмаилитского (низаритского) государства, растянувшего цепью горных замков, крепостей и укрепленных городов по Ирану, арабским странам, Средней Азии, и его взгляды не только отражали социально-политическую платформу исмаилизма эпохи «да'вати джадида», но и были прямыми указаниями на необходимость продолжения открытой вооруженной борьбы против аббасидов, сельджукидов и ортодоксального ислама.

Исмаилитское движение раннего средневековья, таким образом, можно отнести к тем средневековым течениям, выразившимся в формах ереси, мистики и открытого вооруженного восстания, о которых писал Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии».

Этот оппозиционный характер и прогрессивное значение раннего исмаилизма имели под собой реальную объективно-историческую почву, которую не следует упускать из виду при оценке социальной природы и идейных основ исмаилизма.

Анализ идейных основ и социально-политической платформы исмаилизма XI—XIII вв. позволяет прийти к следующим выводам.

«Жизнерадостное свободомыслие» Фараби и Ибн Сины, оказав определенное влияние на исмаилизм, способствовало дальнейшему отходу его от ортодоксального ислама, что выразилось в целом пантеистической подоплеке исмаилизма, пропаганде отдельных его представителей естественных воззрений о мире, человеке и т. п., в пренебрежительном отношении к внешним ритуальным, обрядовым требованиям ислама.

Однако исмаилизм, будучи в конечном счете религиозной ересью, при всем влиянии на него идей рационализма и вольнодумства Фараби и Ибн Сины, не мог подняться до «противоверных» выводов этих мыслителей об извечности мира, отрицании предопределения бога в «подлунном мире», о свободе воли человека, о несостоятельности представлений о загробных воздаяниях и т. п.

Что касается социально-политической платформы исмаилизма эпохи «да'вати джадида», то, судя по содержанию проанализированной здесь переписки, она в теоретическом отношении расходилась с пронизанными рационализмом и гуманизмом социально-политическими учениями Фараби и Ибн Сины, но все же явилась открытым выступлением против аббасидов, сельджукидов и ортодоксального ислама. В ней сказывались влияния демократических устремлений, идеалов о социальной справедливости, равенстве и т. п., идущих от ранних исмаилитов-карматов, а также близость части исмаилитов социальным низам.

А. Захидов

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 403—404.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БУМАЖНОГО РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

История производства бумаги в Средней Азии уходит в далекое прошлое, но до сих пор остается невыясненным ряд вопросов — кем и когда была изобретена бумага, как развивалась и совершенствовалась ее производство, где она распространилась и т. д. Между тем проблемой изобретения и производства среднеазиатской бумаги занимались многие исследователи дореволюционного и особенно советского периодов.

Н. П. Лихачев и некоторые другие авторы считали, что подлинной родиной бумаги является Восточный Туркестан¹.

¹ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. — «Записки Русского археологического общества», т. V, Новая серия, СПб., 1892.

И. Т. Малкин в фундаментальном труде по истории бумаги утверждал: «Кочевые народы Восточного Туркестана уже давно постигли высокое искусство выработки для своих кибиток кошмы из смоченной и сбитой овечьей и верблюжьей шерсти. Следовательно, есть серьезное основание полагать, что туркестанские кочевники скорее, чем китайцы, могли изготовить тончайший войлок из шелка или шелковичных отходов. Изобретение кисти, приготовляемой из крысиных волос, дало возможность писать на таком войлоке»².

Однако потребность в бумаге, на наш взгляд, должна была возникнуть в первую очередь у оседлого народа, в развитых культурных центрах. Да и само производство бумаги требовало продолжительной работы на одном месте, оседлого образа жизни и наличия протекающей поблизости воды. Поэтому мнение о том, что народы Восточного Туркестана, добившиеся высокого искусства выработки кошмы из смоченной и сбитой овечьей и верблюжьей шерсти, смогли изготовить бумагу, вряд ли обоснованно. И. Т. Малкин и сам признает, что «все это остается пока предположением»³.

Вопрос о том, когда именно возникло бумажное производство в Средней Азии, также требует дополнительных исследований.

Известно, что в середине века в окрестностях Самарканда выделялась писчая бумага. Некоторые данные первоисточников позволили исследователям предположить, что бумага там производилась еще до арабского завоевания. А. А. Семенов отмечает: «Самарканд искони славился выделкой превосходной бумаги из шелка, и самаркандские бумажные фабрики становятся известны арабам в 650—51 гг., т. е. в первые моменты арабской экспансии в Хорасан и Среднюю Азию. По всей вероятности, Самарканду обязано возникновение бумажного производства в западных областях арабского халифата, а потом и в Европе»⁴.

О. Г. Большаков, характеризуя различные городские ремесла, указывает, что «были и такие, монополия которых принадлежала немногим городам. К числу их следует отнести изготовление бумаги. На нем специализировался Самарканд»⁵.

Впрочем, бумага выделялась не в саом Самарканде, а в мастерских, расположенных в окрестностях города. «Вся вода для бумажных мельниц, — писал З. Бабур, — приходит с Кани-Гила. Кани-Гил находится на берегах р. Сняб-аба»⁶. Река эта протекала близ Самарканда.

Однако реализовалась бумага главным образом на самаркандских рынках, откуда она попадала и в другие города.

На протяжении всего средневековья самаркандская бумага отличалась рядом присущих только ей свойств. Как считали поэты, каллиграфы и другие представители культурного мира того времени, она обладала высокими качествами и ее широко использовали при составлении различных рукописей. До нас, например, дошли рукописи, написанные на самаркандской бумаге в XV—XVII вв.⁷

З. Бабур писал: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда»⁸. Высокое качество самаркандской бумаги более позднего времени отметил А. Вамбери, посетивший в 1863 г. многие города Средней Азии. «Бумага, приготовляемая в Бухаре и Самарканде, — писал он, — пользуется по всему Туркестану и смежных с ним странах высокой славой»⁹.

В. Л. Вяткин также высоко отзываясь о самаркандской бумаге: «Самарканд славился, особенно в первые века ислама, производством бумаги, которая отсюда вывозилась в разные страны в большом количестве»¹⁰.

О высоком спросе на самаркандскую бумагу подробно говорится в работе Р. Г. Мукминовой¹¹.

До настоящего времени точно не установлено, из какого материала изготовлялась среднеазиатская бумага. П. И. Пышино, посетивший Туркестанский край в 1886 г., указывает, что для изготовления бумаги использовался хлопок¹².

² Малкин И. Т. История бумаги. М., 1940, с. 22.

³ Там же.

⁴ Семенов А. А. О среднеазиатской бумаге. — «Известия АН ТаджССР», 1963, № 1, с. 13.

⁵ Большаков О. Г., Беленицкий А. М., Бенетович И. Б. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 289.

⁶ Бабур-наме. Ташкент, 1958, с. 62.

⁷ См. «Собрание восточных рукописей ИВ АН УзССР». Т. 6. Ташкент, 1968, № 4400, 4453, 5625.

⁸ Бабур-наме, с. 62.

⁹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, с. 211.

¹⁰ Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. — Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, с. 22.

¹¹ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976, с. 103.

¹² Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. СПб., 1868, с. 140.

А. А. Семенов упоминает три сорта среднеазиатской бумаги. Один из них изготовлялся из шелководничных оческов. Эта бумага «была элегантной, плотной, с идеально гладкой поверхностью, по большей части кремового цвета, она превосходно ложилась и была приятной на ощупь». Второй вид, по словам исследователя, — полущелковая бумага, «при изготовлении которой применялся в равном количестве шелк и волокно конопли». Это была толстая и плотная бумага, отлично воспринимавшая лощение; называлась она нимкотони, т. е. «полуконопильная». Третий сорт самаркандской бумаги вырабатывался в основном из хлопчатобумажной массы и, как писал А. А. Семенов, «хотя такая бумага по добротности и выработке была ниже полущелковой, тем не менее, она все же отличалась большим достоинством»¹³.

Таким образом, в отличие от П. И. Пашино, А. А. Семенов считал, что при изготовлении среднеазиатской бумаги употреблялся не чистый хлопок, а тряпье, старая вата, шелковые очески и конопля.

А. А. Вамбери полагал, что «она (бумага) делается из сырцового шелка, гладка, тонка и хорошо приспособлена к арабскому письму»¹⁴.

Все эти суждения базировались в основном на впечатлениях от внешнего вида бумаги. Более авторитетны, разумеется, мнения, основанные на химическом анализе.

П. Д. Зотов, исходя из данных химического анализа, пришел к выводу об отсутствии шелка в самаркандской бумаге, доказав, что бумага рукописей, подвергнутых им химическому анализу, изготовлена из растительных волокон. Однако для исследования им была привлечена бумага сравнительно небольшого числа рукописей (15 экз.), причем относящихся к более позднему периоду (XV—XIX вв.). Более древние среднеазиатские рукописи пока не подвергнуты химическому анализу и, как отмечает сам автор, вполне возможно, что в ранний период шелк использовался для выделки бумаги¹⁵.

Таким образом, этот вопрос требует дальнейших исследований, в том числе углубленного изучения как содержания письменных источников, так и химического состава бумаги, на которой они написаны.

Значительный интерес представляют отдельные высказывания о производстве бумаги, приводимые В. Л. Вяткиным. Он застал еще старинные бумажные мельницы, расположенные на отводниках из Сиаба. Эти мельницы, как сообщает он, были обращены в вакф. Вместе с тем исследователь отмечает, что в начале XIX в. самаркандская бумага перестала изготовляться. А в самом конце XIX в. местность, где прежде располагались бумагодельные мастерские, была уже сплошь покрыта мукомольными мельницами и толчеями¹⁶.

Среди многочисленных рукописей XIX в., отмеченных в каталогах Института востоковедения АН УзССР, нет ни одной, выполненной на самаркандской бумаге, что косвенно подтверждает правильность сведений В. Л. Вяткина. В это время в среднеазиатских городах уже повсюду фабрикация бумаги, доставленная из России¹⁷. Однако в XIX — начале XX в. в окрестностях г. Коканда еще изготовлялась местная бумага — «кокандская». Возникновение бумажного производства в Коканде, как позволяло полагать некоторые сведения, был обязан самаркандским ремесленникам. С прекращением деятельности их мастерских в Самарканде некоторые из них вынуждены были переселяться в другие места, в том числе в Коканд.

Бумага, изготовлявшаяся в окрестностях Коканда, в основном реализовалась на рынках этого города и потому получила название кокандской. Более подробная характеристика кокандской бумаги дана А. П. Федченко¹⁸.

До нас дошли и сведения других авторов о кокандской бумаге. Так, представляют интерес сообщения В. К. Развадовского¹⁹ и Г. В. Григорьева²⁰ о двух мастерах-бумагоделах и мастерских, расположенных в селениях Кагазгар и Чорку, недалеко от Коканда. Авторы были свидетелями производства кокандской бумаги и зафиксировали процесс ее изготовления, размеры неразрезанных листов, стоимость бумаги в тот период и объем общей выработки этих мастерских за день, месяц и за год.

¹³ Семенов А. А. Указ. статья, с. 15.

¹⁴ Вамбери А. Указ. соч., с. 211.

¹⁵ Зотов П. Д. К вопросу о «шелковых бумагах». — «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 9.

¹⁶ Вяткин В. Л. Указ. статья, с. 22.

¹⁷ Развадовский В. К. Исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. — Ж. «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 4, с. 342—344.

¹⁸ Федченко А. П. Оби-джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде. — Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872.

¹⁹ Развадовский В. К. Указ. статья, с. 342—344.

²⁰ Григорьев Г. В. Кустарное производство бумаги в Узбекистане. — «Советская этнография», т. 3, М.—Л., 1940, с. 147.

О кокандской бумаге говорится также в статье А. А. Семенова «О среднеазиатской бумаге»²¹.

Судя по указанной литературе, технический процесс приготовления бумаги представляется в следующем виде.

Собрав достаточное количество хлопчатобумажных тряпок и старой ваты, ремесленники сортировали их по цвету. Цветное сырье шло на приготовление картона, а белое — на изготовление писчей бумаги. Отсортированную массу клали в «кагаз-обживаз» — обыкновенную толчею, приводимую в движение водой. После обработки ее вынимали, отжимали специальным прессом и снова закладывали в толчею, но уже в смеси с ишкором (шелочью). Потом эту массу размягчали, затем вынимали и снова сушили (в жаркие дни — четыре дня, осенью — восемь — десять, а зимой — в течение месяца). После этого ее опять клали в кагаз-обживаз с ишкором и известью, примешивая воду. В итоге этих процедур масса полностью выщелачивалась и с нее смывалась вся грязь.

Обесцвеченную и обезжиренную массу промывали и вновь толкли в толчею 20 — 23 дня, затем подмешивали «зюк» (квасцы) и опять толкли 2 дня. Потом ее смешивали с «туммаком» (желтой краской) и снова толкли. Далее всю массу вынимали и клали в «хум» и рабочий должен был месить ее, причем надо было сделать 5000 ударов ногами. После этого массу перекладывали в бассейн с чистой водой и оставляли на ночь.

На следующий день мастер-кагазгар приступал к наиболее ответственной части работы. Вооружившись специальным приспособлением — товарой (деревянной рамой с густой сеткой из чия, под которой находилась особая решетка), мастер погружал его в бассейн, а затем осторожно вынимал. При этом на решетку осаждалась часть массы и получался лист бумаги. От мастера требовались особая сноровка и опыт, чтобы получить ровный по толщине бумажный лист. На другой день готовые листы сушили на специальной стене, покрытой ровным слоем алебаstra.

Далее шла стадия проклейки и лошения. Эту работу выполнял другой мастер — лошильщик. Для лошения использовались раковины — мухро, а потому мастера-лошильщика называли мухракша. Для проклейки бумаги применяли клейстер или ахар (крахмал).

В результате бумага обретала глянцеватую, блестящую поверхность, на которой хорошо писалось чернилами и тушью.

Как видим, процесс приготовления бумаги был весьма трудоемким. Секреты мастерства передавались из поколения в поколение на протяжении ряда веков.

Процесс производства самаркандской бумаги, возможно, имел свои особенности. Она отличалась превосходной выделкой, особым глянцем и плотностью. Мы пока не знаем точно, как изготовлялась эта бумага. А. А. Семенов также отмечал, что «к сожалению, мы не знаем техники производства старинной бумаги»²².

Как утверждают некоторые исследователи, бумажное производство существовало и в Бухаре. Об этом упоминают А. Вамбери и А. А. Семенов. Последний, в частности, отмечал: «Главнейшими из таких, кроме Самарканда, центрами (бумажного производства) были знаменитые и древнейшие города Бухара и Герат»²³. Сведения о существовании бумажного производства в Бухаре в самом начале XX в. мы встречаем у Г. В. Григорьева. По сообщению автора, несколько кокандских мастеров организовали бумажное производство в Бухаре. В гузару Гурбул была устроена мастерская, где в распоряжении мастеров имелось около 40 учеников-шагирдов. О производстве бухарской бумаги в более ранний период достоверных данных нами пока не обнаружено.

По мнению А. А. Семенова, производство бумаги в Бухаре существовало очень долго и прекратилось в XVIII в. В подтверждение своих слов он ссылается на название местности подле самаркандских ворот — «Джуваз-и Когаз», т. е. «толчей для выделки бумаги». Далее автор отмечает, что «в тумане Комот (Вабкент) существует оросительный канал Джуваз-и Когаз, на котором нет никакого селения и который отделяется от главной магистрали, и другой оросительный канал, с тем же названием Джуваз-и Когаз, отделяющийся от главного оросительного канала, выведенный из Зеравшана и называемый Шахр-руд; на нем селение Джуваз-и Когаз, имевшее в конце 90-х гг. XIX в. 30 дворов»²⁴.

Бумажное производство существовало, по всей вероятности, и в других культурных центрах Средней Азии. Например, сибирский казак Максимов, побывавший в Ташкенте в начале XIX в., сообщал, что «писчая бумага делается в Коканде и в

²¹ Семенов А. А. О среднеазиатской бумаге (сорта бумаги, ее производство и способы окраски). Рукопись; хранится в доме-музее А. А. Семенова (Душанбе). Рукопись отличается от упомянутой одноименной статьи некоторыми подробностями.

²² Там же, с. 15.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 5.

Ташкенте. Рабочих в Ташкенте на бумажном заводе, принадлежащем местному купцу Ахмеду, работало до двадцати»²⁵.

Вполне возможно, что мастерские по выделке бумаги имелись и близ других городов. Как отмечает А. А. Семенов, «трудно допустить, чтобы такие крупнейшие в истории Востока культурные центры, как Балх, Термез, Мерв, Гурген (Ургенч) и другие, носители великих благ тогдашней цивилизации, с их колоссальными базарами, многолюдными ремесленными цехами... не имели бы своего бумажного производства»²⁶. Дошедшие до нас рукописи прежних веков, написанные в перечисленных городах, отличаются не только хорошим исполнением, но и превосходной бумагой.

Таким образом, история производства бумаги в Средней Азии требует дальнейшего глубокого изучения и в первую очередь выявления сведений из письменных источников, касающихся этой важной отрасли ремесла и культуры Средней Азии эпохи средних веков.

Н. Н. Хабибуллаев

---

²⁵ Потанин В. Показания сибирского казака Максимова о кокандском владении. — «Вестник ИРГО», ч. 22, СПб., 1800, с. 71.

²⁶ Семенов А. А. Указ. ркп., с. 7.

ИСТОРИОГРАФИЯ

БОРЬБА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ
ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(К историографии вопроса)

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»¹ подчеркивается, что в условиях резко обострившейся идеологической борьбы на международной арене империалистическая пропаганда, с которой теперь открыто взаимодействует пропаганда пекинских шовинистов и агрессоров, непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую бесчеловечную политику и практику. Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход.

Поэтому одна из важнейших задач идейно-воспитательной и информационной работы — помогать советским людям распознавать всю фальшь этой клеветнической пропаганды, в ясной, конкретной и убедительной форме разоблачать ее коварные методы, нести людям земли правду о первой в мире стране победившего социализма.

Борьба против идеологии и политики антикоммунизма была и остается гражданским долгом, первейшей обязанностью советских ученых-обществоведов, всех работников идеологического фронта. «В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтралитету и компромиссам, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»².

В постановлении ЦК КПСС также указывается на необходимость «своевременно давать достойный отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников. Вести последовательную борьбу против любых форм оппортунизма и ревизионизма».

В этих целях следует, в частности, ярко показывать величие коммунистических идеалов, всепобеждающую силу марксизма-ленинизма, плодотворную неутомимую деятельность КПСС по укреплению могущества Советской Родины и росту благосостояния народа, исторические преимущества социализма, его подлинный демократизм и гуманизм; убедительно, на конкретных фактах раскрывать сущность советского образа жизни, достижения развитого социалистического общества, пути его постепенного перерастания в коммунистическое³.

Богатый материал в этом отношении дают история социалистического строительства в республиках Советского Востока, их замечательные достижения на современном этапе строительства коммунизма.

Ценнейший опыт перехода республик Средней Азии к социализму, минуя капитализм, показывает общечеловечески развивающихся стран, что угнетенные ранее народы могут под знаменем научного социализма подняться от крайней отсталости к вершинам современной цивилизации. Отсюда растущий интерес широкой общественности стран, сбросивших цепи колониализма, к опыту восточных республик СССР. Именно это революционизирующее, вдохновляющее влияние примера Советской Средней Азии на народные массы развивающихся стран и страшило апологетов капитализма. Поэтому они подвергают злобным нападкам советский опыт, всячески извращают пути и результаты ликвидации экономического и культурного неравенства среднеазиатских народов, стремясь доказать «неприемлемость» их опыта для молодых суверенных стран. Интенсивность и размах антикоммунистической пропаганды

¹ «Правда», 1979 г., 6 мая.

² Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. В 2 томах. Т. 2. М., 1978, с. 169.

³ «Правда», 1979 г., 6 мая.

в этом направлении возрастают по мере усиления национально-освободительного движения народов, расширения зоны некапиталистического развития.

Следует отметить, что фальсификация истории социальных преобразований в Советской Средней Азии велась за рубежом с самого начала некапиталистического пути развития Узбекистана, Туркменистана, Киргизии, Таджикистана к социализму, однако отпор ей в довоенные годы давался преимущественно в выступлениях партийных и государственных деятелей. Специальных книг или статей, опровергавших клевету из-за кордона, не было создано ввиду молодости национальных историографов, слабой теоретической подготовленности еще немногочисленных местных кадров историков; да и масштабы фальсификаторской деятельности за рубежом были тогда не столь широки.

В послевоенный период положение заметно изменилось. Усиливающиеся наскоки идеологов антикоммунизма получают все более решительный отпор со стороны советских историков. Историческая наука в республиках Средней Азии, вступившая в пору своей зрелости, располагает теперь многочисленными квалифицированными кадрами, способными вести успешную борьбу с фальсификаторами всех мастей.

Одно из главных направлений борьбы с фальсификаторами — создание на основе марксистско-ленинской методологии глубоко научных исследований об успешной реализации программы преодоления былого экономического и культурного неравенства среднеазиатских народов в ходе строительства социализма. Проведенная советскими обществоведами в этом направлении большая и многоплановая исследовательская работа представляет значительный вклад в арсенал идеологического оружия наших ученых, пропагандистов, ведущих неослабную борьбу за чистоту марксизма-ленинизма, против фальсификации национальной политики КПСС и Советского государства.

Эффективный метод ведения боевой и наступательной критики буржуазной историографии — подготовка специальных работ, посвященных разоблачению и опровержению клеветнических измышлений «советологов».

Успешную работу по разоблачению буржуазных фальсификаторов развернули, в частности, историки Туркменистана. Еще во второй половине 50-х годов они дали достойную отповедь⁴ измышлениям буржуазных ученых (Б. Хант, О. Кэроу и др.), усиливших нападки на национальную политику Коммунистической партии. Серию статей, направленных против наших идейных противников, опубликовали и ученые Узбекистана⁵.

В начале 70-х годов в академиях наук республик Средней Азии были созданы научные центры по проблемам зарубежных идеологических течений, возглавившие и координирующие эту работу. Они провели ряд научных конференций, материалы которых выпущены отдельными сборниками⁶. При республиканских академиях созданы также отделы научной информации по общественным наукам, составляющие обзоры зарубежной литературы по истории республик Средней Азии.

Советские историки раскрывают несостоятельность попыток идеологов антикоммунизма фальсифицировать цели, характер и принципы ленинской национальной политики КПСС⁷, саму идею некапиталистического пути развития ранее отсталых на-

⁴ Мелькумов В. Г., Новоселов К. Н. К вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии (По поводу статьи английского буржуазного историка Вилера «Русские в Средней Азии»). — «Туркменистан коммунист», 1957, № 6, с. 71—76 (на туркм. яз.); Новоселов К. Н. «Объективизм» буржуазного историка и реальная действительность Советского Востока. — Труды Туркменского филиала ИМЛ, вып. 4, Ашхабад, 1958, с. 69—83; Кривских Е. Г. Извращение национальной политики Коммунистической партии в книге английского буржуазного историка О. Кэроу «Советская империя». — Труды Туркменского филиала ИМЛ, вып. 6, Ашхабад, 1959, с. 71—85, и др.

⁵ Юсупов В. О некоторых фальсификаторах истории и современного положения республик Советского Востока. — «Коммунист Узбекистана», 1960, № 1, с. 79—83; Хидоятлов Г. Против буржуазной фальсификации истории народов Советского Востока. — В кн.: «Дружба народов и социалистический интернационализм — великая сила в борьбе за построение коммунизма», Ташкент, 1961, с. 327—352; его же. У лжи — короткая жизнь (Об извращении буржуазными авторами опыта экономического строительства в республиках Средней Азии). — «Партийная жизнь», Ташкент, 1962, № 9 (на узб. яз.).

⁶ Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов (Критика извращения прошлого и настоящего Узбекистана). Ташкент, 1975; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977.

⁷ Хидоятлов Г. Правда против лжи. Ташкент, 1964; его же. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Тузмухамедов Р. А. Ответ клеветникам. Самоопределение народов Средней Азии и международное право. М., 1969; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975.

родов⁸. Так, Г. Хидоятов, показывая убогость теоретических позиций и шаткость политической платформы «ниспровергателей» ленинского учения по национальному вопросу, отмечает, что они не могут противопоставить ленинской национальной политике ничего, кроме отдельных наивных и примитивных рекомендаций, от которых веет затхлым смрадом колониализма. «Объясняется это тем, что национальный вопрос является наиболее уязвимым местом капиталистического общества, разрешить который оно не в состоянии»⁹.

В советской историографии подвергаются аргументированной критике «труды» советологов и среднеазиavedов, в которых извращаются ленинские принципы решения национального вопроса, методы их осуществления в восточных республиках СССР, опыт экономических и культурных преобразований в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане и Киргизии. Только в 1962 г. было издано три монографических исследования¹⁰, авторы которых сосредоточили внимание именно на этих вопросах.

Решительно вступая в полемику с зарубежными клеветниками, советские историки подробно анализировали их аргументацию, методы и средства подтасовки фактов. Они выявили основные линии фальсификации опыта ликвидации экономического и культурного неравенства народов Средней Азии, разоблачили лживость антикоммунистического тезиса о «советском колониализме», ставшем основным лейтмотивом в клевете на национальную политику КПСС. К. Н. Новоселов, например, подверг убедительной критике псевдонаучный характер рассуждений представителей американской, английской и французской реакционной историографии о национально-государственном размежевании в Средней Азии, земельно-водной реформе второй половины 20-х годов, промышленном развитии среднеазиатских республик. Слабее затронуты им вопросы об извращении истории победы колхозного строя, культурного строительства в регионе.

В разоблачении антинаучных концепций зарубежных фальсификаторов истории Советской Средней Азии следует выделить труды Х. Ш. Иноятова. Убедительность его аргументов в полемике с идеологическими противниками определяется глубоким знанием первоисточников по истории установления и упрочения Советской власти, победы нового общественного строя в Средней Азии. Автор ряда монографий по данной проблематике, Х. Ш. Иноятов наглядно показывает псевдонаучный характер версий и схем буржуазного среднеазиavedения.

В 1973 г. вышла капитальная работа Х. Ш. Иноятова¹¹, в первой части которой (с. 51—224) подвергнуты обстоятельному анализу инсинуации иностранной реакционной исторической науки об опыте социалистического строительства в республиках Средней Азии. Автор, как отмечает в предисловии к книге известный советский историк, акад. И. И. Минц, впервые в нашей литературе «дает такую полную картину приемов и методов провокационной деятельности многочисленных зарубежных анти-советских пропагандистских центров».

Высокий научный и идейно-теоретический уровень отличает недавно вышедшую книгу Г. А. Хидоятова¹². В ней квалифицированно, с большим знанием дела вскрывается клеветнический характер антикоммунистической пропаганды, направленной на фальсификацию исторических достижений народов Средней Азии в строительстве социализма. Автор концентрирует внимание на анализе новейших концепций и направлений идеологии антикоммунизма, совершенствующей приемы и методы фальсификации истории промышленного, сельскохозяйственного и культурного подъема в республиках Средней Азии, и приходит к выводу, что «все попытки антикоммунизма добиться стабильных успехов путем приспособления к новым условиям классовый и идеологической борьбы, путем развертывания фронтального идеологического наступления, разработкой самых «новейших» средств борьбы против растущего влияния социализма обречены на провал»¹³.

⁸ Новоселов К. Н. Современные ревизионисты о некапиталистическом развитии народов остальных стран. — Труды Туркменского филиала ИМЛ, вып. 6, с. 14—24; Ибрагимов К. Буржуазные «ниспровергатели» марксистско-ленинской теории некапиталистического пути развития. — «Коммунист Узбекистана», 1972, № 7, с. 84—90.

⁹ Хидоятов Г. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба, с. 290.

¹⁰ Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Новоселов К. Н. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Рзаев Д. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962.

¹¹ Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии (Ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстана). Ташкент, 1973.

¹² Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1977.

¹³ Там же, с. 330.

Несомненным достоинством книги является и то, что автор ее первым из местных историков специально обратился к анализу попыток буржуазной пропаганды подорвать доверие к нашей исторической науке в целом, в том числе к советской научной литературе по проблемам Средней Азии.

Расширяя масштабы борьбы с буржуазным среднеазиатоведением, советские историки дают отпор всевозможным фальсификаторским концепциям об экономическом подъеме республик Средней Азии в период социалистического строительства. Разбирая лженаучные тезисы и построения западных авторов о причинах и методах стремительного подъема народного хозяйства среднеазиатских республик в 20—30-х годах, исследователи¹⁴ доказывают полную несостоятельность попыток буржуазных теоретиков отрицать объективные предпосылки и необходимость социалистического пути развития Средней Азии.

Особо следует отметить выход первой монографии, разоблачающей теоретические концепции буржуазной историографии по вопросам экономического развития Советской Средней Азии¹⁵. Автор показывает истинную цену мнимой объективности советологов, которая прикрывает фальсификацию ими подлинных причин индустриального и сельскохозяйственного прогресса среднеазиатских республик в братской семье народов СССР. Вынужденно признавая успехи среднеазиатских народов в области экономики, идеологи антикоммунизма тут же пытаются протащить идею о том, что высокие темпы хозяйственного подъема могли быть достигнуты при «любом режиме, любой «экономической, социальной структуре» (Р. Пирс, В. Коларц). «Почему же тогда, — справедливо ставят вопрос наши ученые, — те государства зарубежного Востока, экономика которых ранее была на таком же низком уровне, как и экономика среднеазиатских национальных окраин царской России, а в ряде случаев даже и на более высоком, ныне так сильно отстают от современного уровня хозяйственного развития советских республик?»¹⁶

Обращаясь к дореволюционной истории среднеазиатских народов и сопоставляя ее с советской эпохой, авторы перечисленных работ всесторонне доказывают прямую обусловленность быстрого экономического прогресса среднеазиатских республик характером социального строя, производственных отношений. Установление общественной собственности на средства производства вызвало к жизни новые отношения между народами. Всесторонняя помощь экономически более развитых центральных районов страны среднеазиатским республикам облегчила и ускорила социалистическую перестройку их докапиталистической экономики. Раскрытие этих моментов в трудах наших ученых важно и потому, что защитники капиталистического строя не устают писать о неких «благоприятных условиях» для быстрого промышленного развития в Средней Азии, якобы созданных царизмом до Октябрьской революции.

Достойная отповедь дается инсинуациям буржуазной пропаганды, утверждающей, что экономический рост среднеазиатских республик в 20—30-х годах был обусловлен наличием в регионе русского населения, которое якобы вытеснило местных жителей и заняло главенствующее положение в экономике (Дж. Уилер, Р. Пирс). На примере бывшей французской колонии Алжира и Узбекской ССР, с приглядительно одинаковым соотношением коренного и европейского населения, Г. А. Хидоятов доказал беспочвенность и надуманность тезиса о наличии европейского населения в отсталой стране как главным импульсе ее экономического прогресса¹⁷.

На конкретном фактическом материале советские историки убедительно показали и несостоятельность утверждений буржуазной историографии о «дорогой цене», якобы заплаченной среднеазиатскими народами за ускоренный подъем экономики, в частности промышленности, о «разрушении» в восточных советских республиках «традиционных общественно-культурных институтов и ценностей» в ходе индустриализации, закрепившей, дескать, положение Средней Азии как источника сырья для России. Все более аргументированный отпор получают вымыслы клеветников об «экономической нецелесообразности» создания в Средней Азии современной индустрии, приступающей к которому, Советская власть будто бы преследовала чисто политические цели (В. Коларц); о «насильственном» создании национального пролетариата, «брошенного

¹⁴ Воробьев Ю. Ф. Ликвидация экономической отсталости народов Советского Востока и буржуазная историография. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 12, с. 56—66; его же. Опыт КПСС в экономическом развитии ранее отсталых народов СССР и буржуазные идеологи. — В кн.: «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС», М., 1970, с. 225—253; Блиндер И., Ульмасов А. Критика буржуазных концепций экономического развития Советской Средней Азии. — «Вопросы экономики», 1971, № 4, с. 119—128.

¹⁵ Аминов А. Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики. Ташкент, 1972.

¹⁶ Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС, с. 234.

¹⁷ Хидоятов Г. А. Джефри Уилер переписывает историю Советской Средней Азии. — «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 21—35.

в горнило индустриального Молоха»; о «трагической судьбе» кустарей при советском методе индустриализации национальных районов (В. Конолли). Специальная статья посвящена показу извращений истории братской помощи народов СССР в подготовке национальных промышленных кадров в республиках Средней Азии¹⁸.

Зарубежная антимарксистская историография усиленно тщится представить в кривом зеркале и опыт социалистических аграрных преобразований в республиках Средней Азии. Советские ученые показали, что наукообразные суждения врагов социализма по этой проблеме вытекают из их насковью порочной концепции о «враждебности» марксизма-ленинизма крестьянству, его природе мелкого собственника. Извращая характер и методы осуществления аграрных преобразований в Узбекистане, Туркменистане, Киргизии, Таджикистане, западные авторы преследуют цель умалять значение революционного переворота в сельском хозяйстве ранее отсталого края, запугать народы развивающихся стран «ужасами» аграрной политики Советской власти в национальных районах.

Р. Тузмухамедов¹⁹, проследившая эволюцию клеветы антисоветчиков на эту политику, отмечает, что в 20-х годах фальсификаторы огульно поносили все советское, перспективы и планы нашего развития, утверждая, например, что в среднеазиатских республиках «происходит угнетение дехкан», что «контрреволюция и басмачество выступают выразителями освободительного движения» и т. д. В 30-х годах, когда рельефно обозначились успехи сельскохозяйственного производства в Средней Азии, буржуазные идеологи, прогнозы которых с треском провалились, взяли на вооружение новый «аргумент» — «советский колониализм». Этот, не имеющий ничего общего с реальной действительностью антисоветский тезис и сегодня используется западной пропагандой.

Большой вклад в борьбу с измышлениями зарубежных советологов по проблемам аграрной политики КПСС в национальных районах СССР вносят труды Р. Х. Аминовой. В ряд ее монографий о переходе узбекского дехканства к социализму составившей частью вошли разделы о буржуазной историографии вопроса²⁰. Основные тезисы «советоведения» по этой проблеме подробно проанализированы и развенчаны в специальной монографии Р. Х. Аминовой²¹, пока единственной в местной историографии по данной теме.

Автор, продолжительное время тщательно разрабатывающий первоисточники о социалистической перестройке узбекского кышлака, выявляет полную несовместимость писаний западных критиков с реальной исторической картиной. Обстоятельно вскрыта классовая подоплека их измышлений об «отсутствии» социальных конфликтов в национальной деревне, о «социальной однородности» доколхозного села. Версиям советологов, оценивающих, например, земельно-водную реформу начала 20-х годов в Туркестане как «ловкий прием» Советов, «рассчитанный на завоевание лояльности со стороны местного крестьянства» (У. Пинтиер), Р. Х. Аминова противопоставляет научно обоснованные выводы об объективной закономерности и полном соответствии реформы интересам трудового дехканства, пролетарских и полупролетарских слоев кышлака и аула.

Не выдерживают критики и утверждения Дж. Уилера о целях земельно-водной реформы второй половины 20-х годов, которые якобы сводились к стремлению властей «создать впечатление, что колониализм исчез», и тем самым обеспечить влияние на сельское население Узбекистана, поскольку, мол, предыдущее мероприятие в этом направлении — национально-государственное размежевание — «было смутно понято мусульманским населением в целом». Другой антисоветчик, А. Парк пытается уверить читателя в выдуманных им же «антисоветских чувствах» среди населения Сурхан-

¹⁸ Полякова Л. Извращение буржуазной историографией братской помощи народов нашей страны трудящимся Средней Азии в подготовке национальных промышленных кадров. — В кн.: «Из истории Советского Узбекистана». Сборник статей, Ташкент, 1965, с. 108—117.

¹⁹ Тузмухамедов Р. Солнце ладноно не закрыть... Против фальсификации опыта социалистических аграрных преобразований в республиках Средней Азии. — «Коммунист Узбекистана», 1973, № 6, с. 77—85.

²⁰ Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к индустрии. Ташкент, 1965 (см. раздел: «Буржуазная историография», с. 27—35); ее же. Аграрные преобразования в Узбекистане накануне сплошной коллективизации (1925—1929 гг.). Ташкент, 1969 (см. «Введение», с. 28—35); ее же. Осуществление коллективизации в Узбекистане (1929—1932 гг.). Ташкент, 1977 (см. раздел «Зарубежная историография», с. 46—60). См. также написанную Р. Х. Аминовой главу «Социалистическая аграрная политика в Узбекистане и ее зарубежные критики». — В кн.: «Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов», с. 64—87.

²¹ Аминова Р. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане и ее фальсификаторы. Ташкент, 1972 (на узб. яз.).

дарьи, Кашкадарьи и Хорезма, чем, по его мнению, и объясняется более позднее проведение реформы в этих областях.

Такую же тенденциозность вскрывает Р. Х. Аминова в «освещении» буржуазной историографии процесса коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане. Успехи ее принимаются, отдельные недостатки и ошибки, допущенные при создании коллективных хозяйств, выпячиваются и гиперболизируются. Все это делается для того, подчеркивает Р. Х. Аминова, чтобы обосновать живую теорию о «незакономерности» коллективизации сельского хозяйства. Автор проследживает тесную связь заявлений фальсификаторов о «колониальном» развитии сельского хозяйства Узбекистана с версией о «монокультуре» хлопчатника. Выдвигая ее, западные критики намеренно закрывают глаза на подъем всех отраслей сельскохозяйственного производства в Узбекистане, игнорируют принесший замечательные результаты социалистический принцип разделения труда, основанный на разумном сочетании общесоюзных и местных, региональных интересов.

Достоинством рассматриваемой книги является и то, что автор не оставляет без внимания попытки буржуазных социологов исказить социальное положение узбекского дехканства, обрешетя в результате национальной политики КПСС, победы колхозного строя полнокровную, счастливую жизнь, извратить смысл политики КПСС и Советского государства, направленной на непрерывное повышение материального благосостояния и культуры сельских тружеников.

Вместе с тем указанная работа, на наш взгляд, несколько перегружена материалом, касающимся общих концепций буржуазных теоретиков о социалистической аграрной политике; в ряде глав он заслоняет анализ приемов и средств фальсификации опыта некапиталистического пути развития сельского хозяйства Узбекистана и Средней Азии в целом.

На материалах всех среднеазиатских республик рассмотрен вопрос о буржуазной фальсификации истории перехода крестьянства региона к социализму в монографии Х. Ш. Иноятова (1973). Исползованный в ней богатый документальный материал со всей очевидностью показывает беспочвенность утверждений зарубежных критиков, отрицающих огромную помощь Советского правительства колхозному строительству в среднеазиатских республиках; расписывающих «безжалостные» методы перевода кочевого и полукочевого населения на оседлость и приобщение его к строительству новой жизни; принижающих масштабы и значение экономических мероприятий, в частности в области ирригации.

Отповедь идеологам буржуазии дается и по вопросам культурного строительства в Средней Азии в переходный период. Много внимания уделено им в сборнике «Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов»²². Х. Ш. Иноятов посвятил данной теме специальный раздел в своей книге, изданной в 1973 г. Представляют интерес публикации В. И. Шафира, М. Л. Портянского²³. Авторы справедливо сосредотачивают основное внимание на опровержении домыслов зарубежных критиков о «деационализации» культуры узбеков, туркмен, киргизов и таджиков, «руссификаторском характере» политики КПСС в области культурного строительства.

Предзрительность буржуазной трактовки процессов становления социалистической экономики и культуры в республиках Средней Азии раскрывается и в ряде журнальных публикаций²⁴, представляющих собой оперативный ответ советских историков на непрекращающиеся вылазки идейных противников.

В нашей литературе отмечаются активизация зарубежных «изысканий» по среднеазиатским проблемам, переход к более тонченным методам и приемам фальсификации исторического прошлого и настоящего Советской Средней Азии²⁵. Прислужники

²² Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов (Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана). См. главы VII—XII, с. 178—311.

²³ Шафир В. И. Критика зарубежной буржуазной историографии по проблеме культурной революции в Узбекистане. — В кн.: «Культурная революция в СССР (1917—1965 гг.)», М., 1967, с. 431—438; Портянский М. Л. К критике буржуазной историографии культурного развития народов Средней Азии. — «Общественные науки в Узбекистане», 1974, № 5, с. 71—75.

²⁴ Аминова Р. Х., Шафир В. И. По поводу последней книги Дж. Уилера «Народы Советской Средней Азии». — «История СССР», 1969, № 3, с. 216—222; Тузмухамедов Р. Разоблачать измышления буржуазных идеологов в отношении Советской Средней Азии. — «Коммунист Узбекистана», 1971, № 1, с. 87—94; Иноятов Х. Ш. Опровергается фактами. О попытках фальсификации истории советских республик Средней Азии. — «Дружба народов», 1971, № 5, с. 141—151, и др.

²⁵ Судю Л. Б. Об изменении методов буржуазной фальсификации национальной политики КПСС в Средней Азии. — В кн.: «Вопросы современной идеологической борьбы», Ашхабад, 1976, с. 17—26; Маннанов В. С. Некоторые аспекты сравнительного изучения Советской Средней Азии и стран «третьего мира» в буржуазной историографии. — В кн.: «Национальный вопрос и современная идеологическая борьба», с. 212—220.

империализма понимаем, что в современную эпоху, когда с каждым годом расширяются возможности социалистически ориентированного развития молодых освободившихся стран, и прогрессивные силы Азии и Африки прямо заявляют о полезности и применимости советского, в том числе среднеазиатского, опыта преодоления вековой отсталости, «прежняя грубейшая фальсификация не только не будет иметь никакого эффекта, но и может послужить разоблачающим их же самих материалов»²⁶. Поэтому они лиходрочно занялись поисками новых вывесок для старых, обветшалых схем и догм, стараясь придать им вид «объективности» и «научной респектабельности». Это делает еще более актуальной работу советских историков по разоблачению измышленной антимарксистской историографии.

Советская критика буржуазной историографии социалистического строительства в Средней Азии вносит весомый вклад в идеологическую борьбу КПСС, международного коммунистического движения против антикоммунизма и оппортунизма. Необходимо и впредь, применяя подлинно научную методологию и теорию общественного процесса, которой вооружает советских общественников марксизм-ленинизм, вскрывать социальные и генезисические корни антикоммунизма в вопросах истории Средней Азии, показывать реакционную сущность и идейную нишету антимарксистского среднеазиатоведения. Попытки идеологов буржуазии противостоять влиянию марксистско-ленинской теории некапиталистического пути развития, ценного опыта среднеазиатских народов на трудящиеся массы освободившихся стран надо пресекать конструктивной и доказательной критикой, срывающей маску «научной респектабельности» с буржуазных фальсификаторов.

Всестороннее, эрудированное, подлинно глубокое разоблачение всевозможных «теорий» и «концепций» фальсификаторов не следует подменять лишь ругательными эпитетами в их адрес. Нельзя идти, как справедливо отмечалось на одном из недавних совещаний историков Узбекистана²⁷, и по другому, наиболее легкому пути, когда некоторые наши авторы, отталкиваясь от отдельных цитат из публикаций буржуазных ученых, вместо глубоко аргументированных контрдоводов и суждений ограничиваются рычлым, многостраничным воспроизведением общеизвестных фактических материалов, образующих нечто вроде простого повторения общих очерков по истории среднеазиатских республик.

Все еще мало капитальных работ, научно доказывающих тщетность попыток наших недругов фальсифицировать теоретические основы и практическое осуществление ленинской национальной политики в республиках Средней Азии. Необходимо создать специальные исследования, разоблачающие вымыслы клеветников по таким проблемам, как роль и значение интернациональной помощи народов СССР трудящимся Средней Азии в ликвидации их фактического неравенства, решение женского вопроса, борьба с религией и религиозными предрассудками в процессе социалистического строительства. Не стали еще предметом специального разбора попытки зарубежной реакционной историографии извратить ценный исторический опыт Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. Недостаточно разоблачаются досужие домыслы о культурном прогрессе в Советской Средней Азии, вокруг которого плетется особенно тонкая паутинка лжи и клеветы на ленинскую национальную политику.

Решительный отпор апологетам империализма будет еще более эффективным и действенным, если историки, другие деятели общественных наук будут оперативнее отвечать на страницах периодической печати на попытки буржуазного среднеазиатоведения исказить исторические факты, реальную действительность. Надо зорче следить за новейшими изощренными приемами фальсификации прошлого и настоящего Советской Средней Азии. На это нас прямо нацеливает постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Имеющиеся публикации советских авторов направлены в основном против фальсификаторской литературы, изданной на Западе. Вместе с тем надо отвечать и на идеологические атаки, исходящие от реакционных сил из ряда развивающихся стран.

Необходимо учитывать и то, что в подрывной деятельности империалистических кругов все чаще используется и такое отравленное оружие, как сионизм. Международная реакция делает ставку на сионизм и разжигаемый им национализм в борьбе против социалистического лагеря, коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов. Поэтому следует решительно разоблачать идеологию и практику сионистов, их клевету против Советского Союза, последовательно поддерживающего национально-освободительную борьбу народов Азии и Африки, стремление освободившихся стран пойти курсом социалистической ориентации. В нашей историографии пока нет специальных работ, научно вскрывающих всю фальшь измышленных сионистских «теоретиков» о решении национального вопроса в СССР, в частности в Средней Азии, разоблачающих их попытки воспрепятствовать сближению освободившихся стран со странами социализма, дискредитировать идею социалистической ориентации.

²⁶ Мяннанов Б. С. Указ. статья, с. 215.

²⁷ «Общественные науки в Узбекистане», 1976, № 12, с. 68.

Важнейшей идеологической и политической задачей является разоблачение антинаучных версий и мифов пекинской пропаганды. Известно, что маоистская верхушка Китая использует историческую науку как инструмент для внедрения в сознание масс антисоветских, социал-шовинистических и гегемонистских идей. Китайские ревизионисты в угоду реакционным целям маоизма всячески пытаются извратить основополагающие принципы марксистско-ленинского учения о социалистической революции, национальном вопросе, освободительном движении угнетенных народов, некапиталистическом пути развития. Ведя раскольническую политику в странах «третьего мира», в рядах национально-освободительного движения, пекинские идеологи стремятся парализовать влияние успехов социализма на азиатские и африканские страны, обесценить суть исторического опыта народов Средней Азии, Монгольской Народной Республики, поднявшихся благодаря марксистско-ленинской теории и практике некапиталистического развития от былой экономической и культурной отсталости к вершинам современного прогресса. Эти попытки должны встречать самый решительный и убедительный отпор.

XXV съезд КПСС поставил задачу: «Повысить роль общественных наук в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма»²⁸. В решении этой актуальной задачи активную роль призвана сыграть и боевая, наступательная критика псевдонаучных концепций антисоветчиков всех мастей об историческом опыте развития народов Советской Средней Азии как составная часть борьбы нашей партии против идеологии антикоммунизма, за распространение всепобеждающих идей социализма и коммунизма во всем мире.

Ф. Х. Касимов

²⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УЗБЕКИСТАН В БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

В 1974—1977 гг. в Ташкенте изданы три тома биобиблиографических очерков¹, посвященных деятелям общественных наук XIX—XX вв., чье научное творчество частично или целиком было отдано изучению истории, литературы, лингвистики, востоковедения, филологии, экономики, юриспруденции, культуры Узбекистана. Перед составителем, профессором Б. В. Луниным, стояла трудная и ответственная задача — проследить становление и развитие общественных наук об Узбекистане за более чем полуторавековой период на материале биографий ученых и библиографий их трудов. Благодаря Б. В. Лунину читатель имеет теперь возможность познакомиться с жизнью и творческой деятельностью нескольких поколений видных ученых и большим списком научных трудов, характеризующих вклад каждого из них в общественные науки об Узбекистане.

Оговоримся сразу: список приводимых в «Очерках» имен — далеко не полный. Общественные науки об Узбекистане представлены в нашей стране значительно большей когортой ученых, и только библиография их работ составит целую библиотеку. Надо было поэтому пойти на известное ограничение охватываемого материала, и составитель, придерживаясь в основном критерия, избранного редколлегией Узбекской Советской Энциклопедии, включил в свою работу биобиблиографические очерки об академниках, членах-корреспондентах, докторов наук и профессорах. «Некоторые отступления допускались лишь в отношении тех исследователей — специалистов и краеведов, которые закончили свой жизненный путь и вне зависимости от ученых степеней и званий внесли ощутимый в свое время вклад в науку, заслужив право на увековечение памяти»². Задача благородная и вместе с тем деликатная, если иметь в виду составление персонального списка.

Вначале предполагалось издать биобиблиографические очерки в двух книгах под заглавием «Историография общественных наук в Узбекистане»³. В первую книгу намечалось включить материалы об исследователях дореволюционного периода, а также об ученых, деятельность которых началась в дореволюционные годы, продолжалась и завершилась в послеоктябрьский период. Но жизнь внесла в эти планы существенные коррективы — вместо одного появились два тома «Биобиблиографических очерков о деятелях общественных наук Узбекистана» советского периода.

Представляется интересным и закономерным, что составитель и издатели пошли на нарушение хронологического принципа, уделив место и выдающимся ученым средних веков, выходящим из Средней Азии и Казахстана — Фараби, Беруни, Ибн Сине, имена которых являются гордостью мировой науки и чье научное и гуманистическое наследие, вопреки произволу, гнету, мракобесию феодальных деспотов и царских колонизаторов, сохранялось в памяти народа и продолжалось в трудах его лучших сынов.

Большим достоинством «Очерков...» является и тот факт, что автор взял на себя кропотливый труд выявить в большом и многоплановом научном наследии таких видных ученых, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, П. М. Мелиоранский, В. В. Рад-

¹ Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974; Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук в Узбекистане. Составитель Б. В. Лунин. Книга I. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1976, 439 с.; Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Составитель Б. В. Лунин. Книга II. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1977, 422 с.

² Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ки. I. Ташкент, 1976, с. 4—5.

³ Первая книга и вышла под таким заглавием.

лов, В. Р. Розен, А. Н. Самойлович, Н. В. Ханьков и др., работы, посвященные языкам, литературе, памятникам истории, истории культуры народов Узбекистана. Эти и многие другие ученые, имена которых приводятся в «Очерках...», не были деятелями общественных наук Узбекистана в прямом смысле, но их научное творчество, вне зависимости от места работы, целиком или частично отражает и является частью общественных наук Узбекистана. Это первая в республике работа подобного рода. И как первый опыт она не лишена отдельных недостатков. Если ученые Петрограда представлены в ней сравнительно хорошо, то этого нельзя сказать об ученых Москвы и других университетских центров.

На наш взгляд, в «Очерках...» следовало уделить место и организаторам науки — партийным, государственным деятелям, чей труд способствовал взлету общественной мысли, культуры, науки.

Чтение и изучение библиографических очерков вызывает у читателей чувство законной гордости. Советская действительность удивляла и продолжает восхищать. С начала XIX в. и до Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. за целое столетие, в Петербурге, Москве и Средней Азии вопросами этнографии, истории, языка, литературы, религии обширного региона занимались примерно тридцать-сорок человек, среди которых было ничтожно мало представителей местных народов. К тому же некоторые из них скорее были краеведами-любителями, собирателями, коллекционерами без достаточно глубокой научной и профессиональной подготовки. (Тем не менее их деятельность значительна уже потому, что они сохранили для истории народов Средней Азии, для истории культуры бесценные рукописи, предметы материальной культуры).

При изучении истории общественных наук народов России, в том числе Узбекистана, бросается в глаза и то, что научно-исследовательская работа была уделом и явном исключительно мужчин. В XIX в. мы не можем найти ни одной фамилии исследовательницы проблем общественных наук Средней Азии. Примерно такая же картина наблюдается во всем отечественном дооктябрьском востоковедении.

Продолжая сопоставлять исторические эпохи, приходится вновь повторять, что на территории восточных окраин (Средняя Азия, Закавказье) не было ни одного высшего учебного заведения. Труды ученых не имели широкого распространения, круг читателей был узок, несмотря на большой интерес, проявляемый народами к своему прошлому, родной культуре.

В советскую же эпоху только в Узбекистане, Москве и Ленинграде проблемами общественных наук занимались и занимаются в той или иной степени 250 академиков, членов-корреспондентов, докторов наук и профессоров. По национальному составу самую большую группу среди них составляют узбеки и каракалпаки — 118 человек. Следующую по численности группу составляют русские — 90 человек. Среди 250 ученых более половины — уроженцы Узбекистана, и здесь же они получили образование. В советское время Ташкент стал одним из ведущих в стране центров общественных наук, а его высшие учебные заведения с преобладающим на узбекском и русском языках — кузницей кадров специалистов по истории и истории культуры народов Средней Азии и смежных республик. И еще одна цифра. Общественными науками Узбекистана плодотворно занимаются более 20 женщин — докторов наук.

Рецензируемые очерки — яркое свидетельство крупных успехов общественных наук Узбекистана, плодотворности ленинской национальной политики КПСС и Советского государства. «Очерки...» Б. В. Луннина — одна из пока еще не столь многочисленных работ подобного рода, воскрешающих давнюю и добрую научную традицию составления и издания библиографических словарей, потребность в которых поистине огромна. Это еще одно заметное звено в успешно развивающихся в республике библиографии и историографии науки.

А. П. Базиянц.

МУНДАРИЖА

В. К. Проскурин. Коммунистик шанбаликлардан меҳнатга коммунистик муносабатда бўлиш ҳаракатига	3
Н. Ф. Абдуллаев. Хўжалик механизми ва қишлоқ хўжалиги ишлаб чиқариши самарадорлиги кўрсаткичлари	9
О. Б. Десятчикова. Биосоциал ҳодисаларни ўрганишда систематик-тарихий таҳлилнинг роли ҳақида	17
Т. Қодирова. Абу Билал бошчилигидаги қарматлар қўзғолони (907 йил).	23

Абу Али ибн Синонинг 1000 йиллиги олдида

А. Б. Жумаев. Ибн Синонинг мусиқий-эстетик қарашлари ҳақида	29
---	----

Илмий ахборот

Т. Я. Мохова, Ф. Р. Убайдуллаева. ЎзССР қишлоқ хўжалиги моддий-техника базасини янада мустаҳкамланишининг баъзи масалалари	37
М. Исломжонов, Т. Файзуллаев. ЎзССР ва РСФСР ишчилар синфини иқтисодий алоқаларининг ривожланиши	39
М. Хайруллаев, О. Зоҳидов. Илк ўрта асрда Ўрта Осиёда эркин фикрлашнинг шаклланиш манбалари масаласига доир	42
Н. Н. Ҳабибуллаев. Ўрта Осиёда қоғоз ҳунармандчилигини ўрганиш тарихидан	48

Историография

Ф. Ҳ. Қосимов. Совет тарихчиларининг Ўрта Осиёда социализм қуриш тажрибасининг буржуача фальсификацияланишига қарши кураши (Историографияга оид саволлар)	53
---	----

Танқид ва библиография

А. П. Базианц. Ўзбекистон — ижтимоий фанларнинг биобиблиографик очеркларидан	61
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

В. К. Проскурин. От коммунистических субботников к движению за коммунистическое отношение к труду	3
Н. Ф. Абдуллаев. Хозяйственный механизм и показатели эффективности сельскохозяйственного производства	9
О. Б. Десятчикова. О роли системно-исторического анализа в изучении биосоциальных явлений	17
Т. Кадырова. Восстание карматов во главе с Абу Билалом (907 год)	23

Навстречу 1000-летию Абу Али ибн Сины

А. Б. Джумаев. О музыкально-эстетических взглядах Ибн Сины	29
--	----

Научные сообщения

Т. Я. Мохова, Ф. Р. Убайдуллаева. Некоторые вопросы дальнейшего укрепления материально-технической базы сельского хозяйства УзССР	37
М. Исламджанова, Т. Файзуллаев. Развитие экономических связей рабочего класса Узбекистана и РСФСР	39
М. Хайруллаев, А. Захидов. К вопросу об истоках формирования свободомыслия в раннесредневековой Средней Азии	42
Н. Н. Хабибуллаев. Из истории изучения бумажного ремесленного производства в Средней Азии	48

Историография

Ф. Х. Касымов. Борьба советских историков против буржуазной фальсификации опыта строительства социализма в Средней Азии (К историографии вопроса)	53
---	----

Критика и библиография

А. П. Базиянц. Узбекистан в биобиблиографических очерках общественных наук	61
--	----

Цена 40 к.

Индекс
75349